

УРИ ШАХАР

МЕССИАНСКИЙ
КВАДРАТ

Ури Шахар
Мессианский квадрат

«Автор»

2012

Шахар У.

Мессианский квадрат / У. Шахар — «Автор», 2012

Роман подкидывает христианству еще одну, еврейскую, версию евангельских событий. Соблазнительная мысль – найти старинную рукопись?

«Второзаконие», «Зоар», «Аналитики» Аристотеля, кумранские рукописи были найдены случайно. Не найдись эти книги, европейская мысль стала бы развиваться совсем иначе. Но как говорит герой романа, «если рукопись не найдется, ее придумают». Ури Шахар взял да и придумал такую рукопись. Она объясняет все нестыковки священных текстов и соотносит между собой всех Иисусов, дает разгадку личности Учителя Праведности из Кумран, а также объясняет, кто был Йешу из Нацрата, описанный в Талмуде.

© Шахар У., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

50

1989

Все началось именно там и тогда – в канун нового 5750 года, на перекрестке Адам в Иорданской долине, куда меня вместе со случайной попутчицей забросил тремп¹.

Автобусы здесь не останавливались. Место было безлюдное. За выгоревшим полем и редкими деревцами виднелось небольшое арабское село.

Уже чувствовалась осень. Изнуряющая жара ушла. Я огляделся, пытаюсь рассмотреть мост через Иордан. Судя по его названию – Адам – это могло быть как раз то место, где «встали воды», когда сыны Израиля входили в свою землю. Но с дороги ничего толком нельзя было разглядеть.

Попутчица, девочка лет шестнадцати – миниатюрная сефардка, скорее всего йеменка², большеротая и большеглазая, с круглым кукольным личиком – с любопытством поглядывала на меня. Я на нее старался не смотреть и все же не мог не заметить, какое живописное рванье болталось на ее худеньком тельце: джинсы и майка были определенно с помойки, а драные сандалии вообще не понятно, как не сваливались с ноги. «Ну и дрань, – подумал я. – Вот к чему приводит светское воспитание... Уже до сефардов это дошло...» Я вытащил книгу псалмов и стал читать, предоставив голосовать йеменке-хиппи. Лучше молоденькой девушки с этим заданием все равно никто не справится.

Машин не было.

Прошло минут двадцать, я уже стал немного беспокоиться и иногда поглядывал на дорогу и на часы... Когда я оторвался от книги в очередной раз, прямо на меня смотрел молодой араб.

Я не понял, откуда и когда он возник... Вынырнул откуда-то сзади. Видимо, пришел из той деревни неподалеку.

Я внимательно оглядел нового персонажа. После того как два года назад началась интифада, то и дело какой-нибудь палестинский патриот бросался с ножом на еврея. Но этот парень серьезных опасений не вызывал: без вещей, в облегающих джинсах и в выгоревшей до неопределенного цвета футболке.

Я продолжил чтение, изредка поглядывая на араба, который время от времени голосовал проезжавшим палестинским машинам.

Минут через десять со стороны перекрестка подошел долговязый и лохматый светловолосый парень. Несмотря на потрепанный вид, он вызывал полное доверие: глаза у него были какие-то хорошие – живые, внимательные, трогательные очки с толстыми линзами в крупной роговой оправе сидели на носу кривовато. Точно такие же много лет назад носил мой отец. Парень сбросил со спины внушительного размера рюкзак и молча на него уселся.

Уже через несколько минут он задремал и – внезапно свалился с рюкзака. Отряхнувшись и оглядевшись, парень направился прямо ко мне.

– Слива, ата йодеа... – начал он с чудовищным русским акцентом и запнулся, не зная, что говорить дальше.

– Вы можете говорить по-русски, – успокоил его я.

Парень заметно оживился.

– Я хотел спросить, далеко ли отсюда до «горы Искушения»?

– Не слышал о такой горе.

– Это гора, на которой сорок дней постился Иисус Христос и где ему являлся дьявол.

¹ В Израиле передвижение автостопом – «тремпом» – в порядке вещей. Частные машины практически ничем не отличаются от общественного транспорта – они подбирают пассажиров на остановках и на обочине, «тремпиаде». Проезд бесплатный, но чтобы добраться по нужному маршруту, иногда приходится сменить много попутных машин. Такой способ передвижения особенно распространен на «территориях».

² Еврейка из йеменской общины.

«Да он не еврей», – подумал я, пристально оглядев собеседника.

– Я русский, – сказал парень, заметив мой оценивающий взгляд. – Христианин. Евангельский. Как турист сюда приехал. Меня Андрей зовут.

– Ури, – представился я.

«Турист? Из России? Странно: только приоткрылся „железный занавес“ – и вот человек первым делом направился не в Париж, не в Нью-Йорк, а в Иерусалим! Бывают же такие», – подумал я и снова углубился в чтение.

Мы располагались на тремпиаде в следующем шахматном порядке: слева от меня, выступив к самой дороге, стоял араб, за ним, прислонясь к металлическому ограждению, располагался я, чуть правее от меня, ближе к дороге, рассказывал Андрей, и опять же у самого ограждения грустила беспризорная йеменка.

Я читал 76-й псалом: «Охватила одурь храбрых сердцем, заснули сном своим, и не нашли рук своих все воины. От окрика Твоего, Бог Йакова, заснули и колесницы, и конь...»

На словах: «колесницы и конь» я услышал нарастающий шум приближающейся машины и невольно оглянулся. Я поднял глаза и увидел, как во сне, мчащуюся красную машину: я видел, как она съезжает на обочину и, не снижая скорости, несется прямо на нас.

И это был не сон.

Машина, скользнув в метре от меня, сбила Андрея – я услышал глухой и мощный удар – и, отбросив его метра на два, пронеслась дальше, вырливая на шоссе.

– Он же нарочно! – вырвалось у меня. А в следующий миг, сообразив, что на отъезжающей машине были синие палестинские номера, я закричал: – Это теракт!

– Это теракт! – выкрикнул я несколько раз вслед стремительно удаляющемуся автомобилю, и в следующий миг бросился к Андрею, над которым уже склонились йеменка и араб. Тот лежал на земле без сознания: правый бок в крови, ноги как-то нелепо разбросаны.

– Ты живой? Слышишь меня? – пыталась докричаться йеменка, смачивая лицо Андрея водой из своей бутылки и дрожащими руками ища пульс, – и до меня вдруг дошло, что она говорит по-русски.

Я опешил от неожиданности, но было не до выяснений – Андрей не приходил в себя.

Я бросился на дорогу, пытаясь остановить машину. Через три минуты затормозила старая «субару», переполненная пассажирами. Водитель ничем помочь не мог, но пообещал, что вызовет скорую и полицию, как только доберется до ближайшего телефона.

Действительно, уже через 10 минут темно-синий джип был на месте. Один полицейский быстро осмотрел не приходящего в себя Андрея и изучал теперь место наезда; второй задал мне пару вопросов и сообщил по рации:

– Наезд. «Мерседес» красного цвета... Движение в сторону Иерихона.

– Это теракт. Нет никакого сомнения, – сказал я.

– Не волнуйся, мы все проверим, – полицейский похлопал меня по плечу и направился к арабу. Я совершенно уже забыл про него и теперь только заметил, что араб вел себя как-то странно. Он был явно растерян, все время ерзал, зачем-то отряхивался, вытаскивал и убирал бумажник. Теперь я внимательно следил за ним: полицейский изучал его документы. Обложка удостоверения личности была оранжевой – араб не был гражданином Израиля.

Еще через пару минут послышалась сирена скорой помощи. Медики уложили Андрея на носилки и внесли в салон скорой.

– Как он? – спросил я у медбрата.

– Серьезных травм не вижу, но плохо, что он до сих пор без сознания. После обследования все будет ясно.

Мы с русской йеменкой тоже было полезли в скорую, но полицейские пересадили нас к себе:

– Поедете с нами, мы должны снять показания.

Андрея увезли, и я понятия не имел, чем закончится для него эта история. Но все были возбуждены и не могли сосредоточиться на чем-то одном. Меня в тот момент больше всего волновал сидевший напротив араб.

Минут через двадцать мы оказались в полицейском участке в Эфраиме.

Араба пригласили в один из кабинетов на первом этаже, и он исчез из моего поля зрения, а нас с девушкой, которую, как выяснилось, звали Сарит, отправили на второй этаж и развели по разным комнатам. Я честно признался, что видел немного, так как читал псалмы.

– Куда направили пострадавшего? – спросил я, подписав протокол.

Полицейский куда-то позвонил и ответил:

– Он в иерусалимской больнице «Хар-Хацофим». Если хотите, джип вернет вас на шоссе.

Мы, конечно, хотели, и джип, спустив нас в Иорданскую долину, высадил на перекрестке Пецаэль. Тут обнаружилось, что авария, ожидания и дознания заняли массу времени – было уже полчетвертого. Я немного забеспокоился: до начала Нового года оставалось меньше трех часов.

– Зря мы не попросили добросить нас до автобусной остановки, – сказал я Сарит. – С тремпами всегда рискуешь... Тебе куда вообще?

– В Иерусалим. А тебе?

– Вообще-то я из Маале-Адумим, но еду в Иерусалим, в йешиву. Я Новый год всегда в йешиве встречаю.

– А родители как к этому относятся?

Я пожал плечами. Что она, за школьника меня принимает?! Родители!..

Хотя если честно, родители относились к этому без восторга. И даже сильно обижались, что на некоторые праздники и субботы я был не с ними. Это было постоянным предметом наших споров и причиной взаимных обид.

Мои занятия в йешиве, которые начались, когда я и правда был школьником, у родителей восторга не вызывали. В те редкие субботы, когда я наконец являлся домой, я отчитывал их за использование электроприборов, а потом переходил к совершенно лишним спорам на тему «иудаизму все это было известно три тысячи лет назад».

– И теория относительности? – усмехался папа.

– И теория относительности! – терпеливо втолковывал я. – Ты знаешь, когда Эйнштейн посетил однажды подмандатную Палестину, он встречался с равом Куком, и тот привел ему мидраш, в котором говорится, что время в разных мирах течет с разной скоростью.

– Сравнил! Теорию Относительности – с каким-то мидрашом! Ты лучше вспомни, какое у вас отношение к женщинам! Ты мне сам объяснил, что свадьбы по субботам не играют по той причине, что свадьба – это торговая сделка. Торговая сделка! – возмутился отец. – Ты сам говорил, что жена – это собственность мужа? Говорил?

– А ты мне разве не говорил, что по Локку вообще все сводится к собственности, даже мысли? Если мысли – это собственность, то почему жена не может быть собственностью?

– Я не могу этого слышать! – страдальчески кричал отец, вскакивая из-за стола. – Эти йешивы просто какие-то машины времени. Берут нормального парня, погружают его в первый век до нашей эры, а потом возвращают в тот же календарный год с совершенно отшибленными мозгами...

Вообще-то в наших сионистских йешивах культура была в почете. Во всяком случае, наши раввины учили нас не превозноситься над светскими. Но в ту пору я придерживался по этому вопросу собственного мнения и по поводу «машины времени» не возражал.

– Иногда у меня возникает такое ощущение, что я не с евреем говорю, а с неандертальцем! – ворчал отец, ища у мамы поддержки. – Разве этого мы хотели, когда ходили в Москве на пасхальные седеры?

– Да не заводись ты, – успокаивала мама. – Юрочка у нас увлекающийся, и в голове у него не все сразу укладывается. Потерпи немного, все утрясется...

Острый период моего «проповедничества» в кругу семьи длился относительно недолго, но отцу слишком хорошо запомнился, и он продолжал относиться к моей вере с опаской. В последнее время я старался не упускать случая побывать дома и сгладить впечатление от тех резкостей, которые мы наговорили друг другу. Однако Рош-Хашана, как и следующий за ним Йом-Кипур, было принято встречать в стенах йешив. Родные меня, в общем-то, и не ждали.

– Как бы родители к этому не относились, – резюмировал я, – встречать Новый год принято в йешивах.

Послышался шум приближающейся машины. Сарит выскочила с обочины на дорогу и требовательно замахала тонкой загорелой ручкой. У меня перехватило дыхание, я машинально потянулся к ней, чтобы дернуть обратно, но машина уже промчалась мимо.

– Ты поосторожнее не могла бы? Забыла, что сегодня было?

– Это другое дело, там нарочно задавить хотели! Как бы узнать, что там с этим парнем? Потеря сознания – плохой признак, возможно внутреннее кровоизлияние.

– А ты откуда знаешь?

– У меня мама врач.

– Как только до телефона-автомата доберемся, позвоним в больницу.

– Побыстрее бы уже, – маялась Сарит. – Ты не знаешь, который час? Как бы нам тут не въехать в праздник... Я однажды вот так же застряла в субботу: автобусы не ходили, часа два прождала тремпа, который довез меня до телефона-автомата, и еще столько же потом ждала, пока за мной отец на машине приехал.

– Если я попаду в такую переделку, боюсь, мне придется весь праздник провести на шоссе. А это целых два дня.

Сарит скорчила гримасу и молча уставилась на меня с каким-то безгловым удивлением.

– Потрясающий у тебя Бог! – произнесла она наконец. – Он предпочитает, чтобы ты умер от обезвоживания, но ни в коем случае не прокатился в праздник на машине?!

– Ты права. В Иорданской долине два дня без воды – это верная смерть. А значит, мой Бог не только разрешает, но и требует выбираться отсюда любыми средствами.

– А если бы тут протекал ручей, ты бы остался?

– Если бы это был просто праздник – не знаю. Может быть, арабским тремпом воспользовался... Но в этом году Новый год совпадает с субботой, а в субботу у меня точно нет никакого выбора. Должен остаться!

Сарит натянуто улыбнулась и, демонстративно развернувшись ко мне спиной, уставилась на дорогу. Видимо, решила, что объясняться далее с психически больным бессмысленно. Мы простояли молча минуты две-три, как вдруг Сарит заговорила снова – и даже с какой-то яростью.

– За кого ты принимаешь Бога?! Как Он может хотеть, чтобы ты здесь целые сутки сходил с ума? Ты в кого-то не того веришь! Тот Бог, который живет в сердце всех нормальных людей, требует от них любви и милосердия, а то, что ты вытворяешь, – немилосердно, неумно и нелепо!

– Во-первых, я бы с ума здесь не сходил: я нахожусь на Святой Земле, у меня при себе ТАНАХ и молитвенник. А во-вторых, это только от народов Бог ждет исключительно любви и милосердия. От евреев Он требует еще кое-чего. И тот еврей, который этого не понимает, ничем от нееврея не отличается.

– Что за чушь! Я еврейка и прекрасно себя и от русских, и от арабов отличаю.

- И каким же образом?
- Думаешь, только такие, как ты, ТАНАХ читают? Представь, я тоже туда заглядываю.
- Молодец, что заглядываешь!
- Нет, это ты молодец, что заглядываешь!

В этот критический момент вдалеке появилась попутка. Отчаянно размахивая руками, только что не крича: «спасите!» – Сарит снова выскочила на шоссе. Казалось, она уже не столько хотела успеть домой до праздника, сколько мечтала поскорее избавиться от полоумного собеседника.

Машина остановилась, и, заняв единственное свободное место, Сарит, не удостоив меня ни словом и не оглядываясь, умчалась.

– Сумасшедшая! – пробормотал я.

Через некоторое время повезло и мне. В йешиву я прибыл за час до праздника и выстояв очередь к телефону-автомату позвонил родителям. Они уже беспокоились и даже подумывали, не сообщить ли в полицию о моем исчезновении.

У меня еще оставалось некоторое время, чтобы выяснить состояние Андрея. В больницу я дозвонился сразу, но справочная переключила меня на телефон, по которому никто не отвечал...

Начался Новый год.

Через два дня, 2 октября, сразу после Рош-Ашана, я с самого утра уже был в больнице. Выяснилось, что Андрей еще по дороге пришел в сознание, но у него было сотрясение мозга, перелом голени и множественные ушибы.

Я вошел в палату.

Там было трое больных. Андрей лежал за ширмой, протянув поверх одеяла загипсованную ногу, и листал какую-то книгу. Он окинул меня отсутствующим взглядом.

– Не узнаешь? – спросил я.

– Нет, – смущенно улыбнулся Андрей. – Вы кто?

– Мы были вместе на тремпиаде, когда тебя сбил автомобиль...

– Ах, вот как! – как будто обрадовался он. – Так вы тоже там были?

– Ну, да... Неужели не помнишь? – удивился я.

– Нет, не помню.

– Совсем ничего?

– Мне что-то рассказывали... Говорили даже, что это был теракт. Но сам я помню все очень смутно... Помню, как сошел с этой идиотской машины, которая меня неизвестно куда завезла... Помню, как пошел по шоссе в сторону Иерусалима... помню, что ждал попутку и там вроде были какие-то люди. Так, значит, вы – один из них?..

Он пристально оглядел меня.

– Напомню в качестве пароля, что ты искал какую-то гору Искушения, – улыбнулся я и тут же пожалел о том, что сказал.

– Точно, гору Искушения! – порывисто крикнул Андрей и сразу расстроился, как будто я напомнил ему о чем-то крайне неприятном.

«Не надо было так расстраивать больного», – подумал я, хотя толком и не понимал, в чем причина такой странной и резкой перемены в настроении, да и про гору эту я никогда не слышал.

- Брось, что ты там потерял?
- Не потерял, а нашел... – со значением сказал Андрей, но пояснять не стал.
- Да что там можно найти?

Андрей посмотрел на меня, растерянно улыбаясь, у меня было четкое ощущение, что он хочет сказать мне что-то важное. С минуту он как будто бы колебался, но потом решительно захлопнул книгу и отвел взгляд.

- Ну да... Гора Искушения – это ведь для вас святое место, – я с пониманием кивнул.
- Андрей снова открыл книгу и начал ее листать. Я понял, что пора сменить тему.
- Мне врач сказал, что тебя сегодня выписывают. Куда же ты пойдешь?
- К Фридманам. Они меня в Израиль пригласили – друзья моих родителей.
- Может, дашь мне их телефон?

Андрей стал искать ручку.

В эту минуту с шумом распахнулась дверь, и в больничную палату ворвалась Сарит со школьным рюкзаком на плечах. Майку она передела, джинсы натянула поприличней, но на ногах болтались все те же невообразимые сандалии.

Увидев меня, она насмешливо улыбнулась и передернула плечиком.

- Привет, Андрей! Что нового?
- Здравствуй, Сарит, – просиял Андрей.
- Как? Сарит ты узнал, а меня нет!

– Сначала я и Сарит не узнал, – не отрывая сияющего взгляда от посетительницы, сказал Андрей. – Но она уже третий раз сюда приходит. С третьего-то раза – сложно не признать!

– Я сейчас говорила с врачом, – деловито сообщила Сарит. – Он считает, что все обошлось лучшим образом. Тебе, Андрей, считай, повезло, что так легко отделался. Как и всем нам, впрочем.

- Да уж мне точно повезло! – улыбнулся Андрей, похлопывая себя по гипсу.
- Интересно, а террориста арестовали?
- Если этого не сделали сразу – в дальнейшем шансы невелики, – ответил я.
- Вы так уверены, что это был умышленный наезд? – недоверчиво спросил Андрей.
- Еще бы! – усмехнулся я. – Ты знаешь, сколько тут у нас в последнее время терактов?

Каждую неделю что-нибудь происходит. В основном они с ножами на людей бросаются, но если есть автомобиль и евреи на дороге – и такую возможность не упускают.

– Но ведь машины каждый день сбивают людей... откуда известно, что это именно теракт?

– Так арабы сами хвастаются! У них иногда несколько организаций оспаривают друг у друга ответственность за убийство... Сообщали, кстати, что-нибудь по радио? – спросил я Сарит.

- Я не слышала... – не глядя на меня, процедила девушка. – А вот это – большому!

Она достала из сумки виноград.

- Ешь, не стесняйся.
- Вы тоже не стесняйтесь.

– У меня пост – пост Гедалии, – пояснил я и начал уже было рассказывать про Гедалию, убийство которого привело к полному исчезновению евреев из Израиля, но Андрей прервал.

- Я читал об этом в Библии, в самом конце последней книги Царей.

«А действительно! – подумал я, никак не ожидая такой осведомленности от русского туриста. Последняя книга царей – это „Малахим бет“, и там это точно в самом конце».

– Ты, вижу, неплохо в ТАНАХе ориентируешься, – сказал я. – То есть, извини, в Ветхом завете.

- Я знаю, что такое ТАНАХ. Тора – пятикнижие, Невиим – пророки, Ктувим – писания.
- Ты еще и иврит знаешь? – совсем уже удивился я. – Может, ты все-таки еврей?

– Вообще-то во мне много всякого понамешано: казаки есть, немцы есть, но еврейской крови, честное слово, ни капли, – заулыбался Андрей.

Мы принялись рассказывать друг другу о себе.

Андрей был студентом московского историко-архивного. Сейчас должен был бы учиться на третьем курсе, но еще весной, как только получил приглашение, взял академический отпуск и уехал на Святую Землю.

Сарит, что и так уже было ясно по ее подростковому вызывающему поведению и ученическому рюкзаку, еще ходила в школу. Впрочем, сегодня она уроки прогуливала.

Я тоже представился: рассказал, что семья моя репатриировалась в Израиль в 1980 году – мы тогда успели проскочить, а сразу после нашего отъезда тяжелые двери советской эмиграции из СССР с шумом захлопнулись – почти на десятилетие. Рассказал, что у меня есть младший брат, живем мы в Маале-Адумим, что после школы я уже второй год учусь в йешиве и весной собираюсь в армию.

Мы проболтали почти целый час.

Дверь распахнулась. В палату решительно вошла энергичная женщина средних лет с острым взглядом маленьких серых глаз. Это была Марина Фридман, она пришла выписывать Андрея. Мы заторопились. Андрей, наконец, отыскал ручку и записал свой телефон, то есть телефон Фридманов, на двух бумажках – одну дал мне, другую – Сарит.

Сарит тоже, покопавшись в своем рюкзаке, вытащила смешную ручку, с какими ходят первоклашки, и розовый блокнотик, из которого вырвала два розовых листочка с цветочками. Записав на них свой телефон, она протянула листочки мне и Андрею.

Я не стал повторять этот ритуал – решил, что этого вполне достаточно для связи, и мы с Сарит спешно вышли.

Уже 10 минут простояли мы с Сарит на остановке, а автобуса все не было. Сарит молчала, я тоже не знал, о чем говорить. Втроем болтать было легко, а сейчас все слова вылетели у меня из головы.

– Ну что, мир? – сказала наконец Сарит, насмешливо улыбаясь. – Извини, я просто из себя выхожу, когда с фанатизмом сталкиваюсь. Меня, знаешь, однажды краской в Меа-Шеарим облили.

– А ты туда небось в майке пришла?

– Точно. В майке и джинсах. Торопилась, решила срезать.

– Нашла дорогу! Резала бы как-нибудь иначе... У нас там однажды израильский флажок с машины сорвали... Так что мне твои чувства очень понятны...

– Послушай, я хочу тебе рассказать, что-то... Ты уверен, что это был теракт?

– А что же еще?

– Да. Наезд был намеренный. Но слишком все-таки странно эта машина себя вела.

– А что странного?

– Как, ты ничего не заметил? – удивилась Сарит.

– Нет, а что?

– Ах, ну да. Ты же книгу читал. Так я расскажу тебе: эта машина сначала мимо нас проехала, рядом с нами притормозила, а потом развернулась метрах в трехстах и тогда уже разогналась в обратном направлении.

– Странно. А ты в полиции это рассказала?

– Конечно, рассказала.

– Не понятно. Если бы теракт планировали – наехали бы при первом проезде. Может быть, он кого-то вдруг разглядел и сбить пытался кого-то конкретно? Но кого? Зачем ему Андрей? – соображал я. – Может быть, он в кого-то другого метил? В тебя мог?

– В меня?! – Сарит просто остолбенела от удивления, брови полезли вверх, глаза расширились до размеров спелой сливы, ее, кажется, задело подобное предположение, и слегка обиженным тоном она ответила, – скорее уж в тебя!..

– Хорошо, вопрос снимается. Остается араб. Араба нельзя исключить. Это могло быть сведением счетов. Что ты думаешь?

– Насколько я понимаю, отношения обычно выясняют в тихой подворотне, а не на открытом шоссе.

– Ты права. Надо разобраться, как так получилось, что машина сбила именно Андрея?

– Да никто в него специально не целил! Просто араб успел назад отскочить, а Андрей зазевался. Ну а мы с тобой вообще у самого бортика стояли... Террорист этот наверняка боялся туда врезаться...

– Вдруг Андрей что-нибудь объяснить сможет? Давай вернемся в больницу!

– Сейчас там суматоха с этой выпиской... Лучше завтра к нему домой зайдем.

– Но у меня занятия в йешиве. Учимся с шести утра до часу ночи... Дни трепета, к тому же, начались...

– Дни трепета, как раз, самое подходящее время проведать больного...

Заметив мои колебания, она сердито добавила:

– Ну еще бы, это так страшно важно – целыми днями молиться и учиться. Особенно учиться тому, как хорошо помогать людям, навещать больных и делать добрые дела. Ну давай, учись, учись. И молись, молись.

Я рассмеялся.

– Ну хорошо, уговорила. Сходим завтра к Андрею. Когда у тебя школа кончается?

– Завтра? Вообще-то в два, но я могу и раньше.

– Можешь и раньше, значит? Ах да, я и забыл: учиться – это ведь не так важно, как «добрые дела делать».

– Ты быстро схватываешь, – улыбнулась Сарит.

Фридманы, Зеэв и Марина, жили очень удобно, в центре Иерусалима, недалеко от рынка Махане-Йегуда. Когда мы вошли, хозяев еще не было. Андрей нам очень обрадовался и сразу провел нас в гостиную, в которой многое узнавалось из советских времен – похоже, Фридманам удалось перевезти из Союза многие памятные вещи – даже картину с невразумительным зимним пейзажем я узнал – такая же висела у моих соседей в Москве. Мы расположились в гостиной и сразу приступили к делу:

– Давай, говори! – подбодрил я Сарит.

И девушка снова рассказала историю о том, как машина, которая, казалось, ехала мимо, вдруг затормозила, потом отъехала, разогналась и сбила Андрея.

Андрею история показалась невероятной.

– Что ж ты сразу мне и Ури этого не сказала?

– Тебя не хотела беспокоить, ты едва живой был, а с Ури мы вообще сперва на разных языках разговаривали, – пожалала она плечами. – Полицию-то я сразу поставила в известность.

– Как же ты это в таких подробностях разглядела?

– Вы же меня на амбразуру бросили, а сами книжки читали и сны смотрели – за дорогой я одна и наблюдала. И еще тот араб...

Сам Андрей прокомментировать ничего не мог – он почти ничего не видел, а если что и видел – то не помнил. Собственной версии событий у него не было. Но предположение, что пытались сбить именно его, Андрей отверг категорически.

– Я здесь никого, кроме вас, не знаю. Кто бы мог на меня покушаться? Может, все-таки в кого-то из вас целились?

– Эта версия вчера тщательно разрабатывалась, но была отвергнута.

– Если честно, меня гораздо больше, чем это запутанное дело, волнует мой перелом. Из-за него я не смогу путешествовать минимум месяц. А мне совершенно необходимо в одно место попасть!

– Снова на «гору Искушения»?

– Ну да. Я же говорил тебе, там есть нечто очень важное для меня...

– Вообще-то ты этого не говорил, но по лицу было понятно... Думаю, что по горам ты уже не попрыгаешь – в этот приезд. Только в следующий. Но не волнуйся, организуем тебе что-нибудь альтернативное поблизости... Мы обязаны компенсировать или как-то скрасить тебе твои лишения. А святых мест в Иерусалиме, слава Богу, хватает.

– Ты не понимаешь! Это совсем не то, что ты думаешь. Это место совершенно незамечено. Я ради него ехал, ради него оставил институт, и не только...

В этот момент в дверях показались хозяева. Невысокий скромный сверх-интеллигентный Зеэв и шумная энергичная Марина. Зеэв говорил тихо и неторопливо, мягко возражая и не спеша обдумывая ответ – это создавало такую теплую спокойную атмосферу, что никуда не хотелось уходить.

Мы поговорили о наезде, а затем разговор, как всегда в то время в среде репатриантов из СССР, незаметно соскользнул к теме перестройки и рухнувшего железного занавеса. События на бывшей родине живо интересовали моих земляков, все это казалось диковинным, сверхважным и вызывало восторг, удивление и гордость.

– Для меня это событие было полной неожиданностью. Признаюсь, я всегда думал, что тоталитарные системы не разрушаются изнутри... Были ли какие-то признаки приближающегося переворота? Вы что-нибудь замечали? – обратился он к Андрею.

– Никаких признаков не было. Сперва Горбачев вырубал виноградники и ставил повсюду своих людей, никакими свободами и не пахло. Весь 86-й год все шло «по-брежнему». Я очень удивился, когда на радио «Свобода» один комментатор разглядел признаки тектонического сдвига в том, что в журнале «Коммунист» была опубликована статья, в которой сдержанно хвалили Василия Гроссмана. И что бы вы думали? Он-таки, комментатор «свободный», прав оказался! Но первые полтора года Горбачев свои революционные намерения умело прятал: только гайки закручивал и ничем, кроме этой статьи в «Коммунисте», себя не выдал.

– Я слышал, – добавил Зеэв, – в 1986 году даже просьбы на выезд в Израиль перестали принимать.

– И вот 8 декабря в Чистопольской тюрьме умер Анатолий Марченко. Он держал бессрочную голодовку за освобождение всех узников совести, – продолжил Андрей. – И вдруг все в одночасье переменялось, как по волшебству: 19 декабря освобождают Сахарова, а 7 февраля следующего года первых 42 политзаключенных.

– Бедный Марченко, чуть-чуть не дотянул, – горестно вздохнула Марина.

– Да, 10 дней всего, – согласился Андрей. – Только, знаете, мне иногда кажется, что именно он-то как раз и дотянул. Все это дело дотянул и с мертвой точки сдвинул. Может, и звучит невероятно – я иногда думаю, что без его гибели никаких освобождений бы не было. Допустим даже, что Горбачев сам давно хотел всю эту казарму советскую распустить – но для этого нужен был момент, когда все политбюро находится в смятении.

– Вы хотите сказать, что если бы Марченко тогда снял голодовку, Сахаров бы и сегодня в Горьком оставался? – уточнил Зеэв.

– Почему нет? Марченко с его максималистскими требованиями был совершеннейшим Дон Кихотом, но он, похоже, знал, что делал: ценой жизни перелицевал действительность.

Мысль Андрея всем понравилась, и я было принялся рассказывать про каббалистическое понятие «импульс снизу», когда человеческая решимость пробуждает ответный «импульс сверху», но неожиданно зазвонил звонок. Зеэв извинился, снял трубку и некоторое время молча слушал. Мы ждали.

– У него всего лишь перелом, – сказал он наконец на иврите, – минуту...

Зеэв прикрыл трубку:

– Звонит какой-то молодой человек, который был с вами, когда сбили Андрея. Говорит, телефон ему дали в больнице. Спрашивает, что с Андреем.

– Какой молодой человек? – удивился я. – Араб?

– Наверное... У него вроде бы арабский акцент.

– Дайте-ка, я с ним поговорю, – попросил я и взял трубку.

– Аллю!

– Шалом, с кем я говорю?

– Это араб! – прошептал я, делая знаки друзьям. – Говорит Ури, я тоже был тогда на тремпиаде, при наезде. Хотелось бы поговорить.

Араб молчал.

– Аллю, ты меня слышишь?

Молчание.

– Я буду завтра в Старом городе до пяти вечера, – произнес он наконец, и мне показалось, что он уже вешает трубку.

– Эй, подожди! Завтра у Яффских ворот, в 15.00! – бросил я наугад.

Самому мне это не очень подходило, потому что в четыре у меня был урок рава Эшхара, который я очень любил, но надежда успеть все же оставалась.

Опять долгое молчание.

– Хорошо, в три, но на площади Цион, – донеслось, наконец, из трубки.

– Еще лучше.

– Тогда до встречи, – слышались частые гудки.

Уф! Я стоял и все еще слушал гудок телефона, пытаюсь осмыслить, что произошло.

– Зайдешь сюда после разговора с ним? – спросил Андрей.

– Я тоже хочу послушать! – воскликнула Сарит.

– Конечно, Сарочка, ты тоже приходи, – кивнул ей Андрей.

– Но только не раньше четырех! – наставительно добавил я. – Хватит уже школу прогуливать.

Сарит вспыхнула, хотела что-то возразить, но промолчала.

«А сам-то ты разве не готов прогулять урок рава Эшхара?» – подумал я с некоторым даже удивлением.

Я был на площади без десяти три. Араб уже ждал меня. Мы сразу узнали друг друга, пожали руки и представились.

Его звали Халед, жил он в Рамалле, работал водителем автобуса: возил учеников в какую-то арабскую школу в Иерусалиме.

– У Андрея всего лишь перелом. Через месяц будет ходить, – сказал я. – Ты случайно не знаешь, почему та машина его сбила?

– Он был единственный, кто не отскочил. По-моему....

– Нет. Я спрашиваю, почему она вообще наехала? Ты знаешь?

- Могу только догадываться.
- Думаешь, это была случайность?
- Нет, не думаю. Похоже, что кто-то из моих братьев хотел задавить еврея.
- А ты с ним случайно не знаком, с этим твоим собратом?
- Да я его и не разглядел даже.
- Но ты видел, что машина сначала мимо проехала, а потом вернулась? – с подозрением

спросил я.

- Это видел.
- Странно. Машину ты видел, а водителя не разглядел?
- Он же в куфию замотался, – удивился Халед.
- Ах да, верно, – пробормотал я. Я только теперь вспомнил, что во время наезда водитель

закрылся куфией, хотя при первом проезде, как рассказала Сарит, лицо вроде бы было открыто. Но вполне вероятно, что Халед мог не обратить тогда на него внимания.

В общем, Халед знал о причине наезда не больше нашего. Затяжное мною следствие снова зашло в тупик.

Мы уложились в 5 минут, я понятия не имел, что еще спросить, и у меня сорвалось с языка:

- А ты сам-то в интифаде случайно не участвуешь?

Халед посмотрел на меня с явной иронией.

- Ну разве совсем немного... по четвергам, с трех до пяти.

Заметив, что я нахмурился, Халед расхохотался и, дружески хлопнув своего «следователя» рукой по плечу, сказал:

- Я пошутил. На самом деле я на вашей стороне.

В ответ на мой недоверчивый взгляд Халед широко улыбнулся и объяснил:

– Ваша военная администрация, конечно, не подарок, и я бы, честно говоря, с удовольствием ее сменил... но я слишком хорошо понимаю, что здесь начнется, если эта детвора, которая сегодня швыряет в вас камнями, займет ее место.

Я и раньше сталкивался с арабской лестью, с заверениями в сочувствии Израилю, но всегда относился к этому с большим недоверием. Но Халед держался совершенно иначе – свободно, с достоинством и говорил по существу. Я просто не смог ему не поверить.

Мы проболтали с Халедом с полчаса и на прощание обменялись телефонами. Его симпатия к Израилю не казалась фальшивой. Хотя у меня и осталось какое-то неопределенное впечатление, что он чего-то недоговаривает.

На урок рава Эшхара я уже явно не успевал и сразу направился к Фридманам, где меня ждали Андрей и Сарит. Я в подробностях пересказал разговор с Халедом. Мы еще раз погадали, в кого мог целить террорист, но никакой стоящей версии так и не выдвинули и окончательно сошлись на том, что террорист решил вдруг наехать на группу случайных евреев.

Я уже торопился в йешиву, и Сарит вышла со мной.

- Тебе какой автобус? – спросил я, когда мы подошли к остановке.

- 48-й лучше всего.

- Я посажу тебя. Как сегодня в школе было?

– Я туда так и не попала, – махнула рукой Сарит. – Мы с подругой на море ездили... – и дальше по-русски добавила, – бархатный сезон в полном разгаре.

– Понятно, – усмехнулся я, вспоминая свое наивное «приходи не раньше четырех»... – А ты, кстати, весьма неплохо говоришь по-русски! «Бархатный сезон», «в полном разгаре»... Сколько тебе лет было, когда вы приехали?

- Откуда приехали?

- Из СССР, понятно, – ответил я, несколько сбитый с толку ее вопросом.

– А мы не из СССР вовсе приехали. Мы из Марокко приехали, – важно объяснила Сарит. – Неужели ты серьезно мог подумать, будто я русская?

Я обомлел от удивления.

– Я действительно сначала подумал, что ты сефардка, даже йеменка, но когда твой русский услышал, то понял, что ты из Союза... Как же ты по-русски-то выучилась?

– Мои родители учились в Институте Дружбы Народов в Москве, и у них повелось с той поры говорить дома по-русски...

Я открыл рот. Вот это история. Оказывается, евреи из Марокко учились в Институте Дружбы Народов! Поразительно!

– Так они что, коммунисты у тебя, что ли? – с недоумением спросил я.

– Сам ты коммунист! Они просто скрыли, что они евреи...

– А как это они тебя в светском духе воспитали? Никогда не видел сефардов, которые бы не придерживались традиции.

– Насколько я знаю, они как раз в Советском Союзе и оставили эти глупости.

– Странный случай. Ну и сколько они там прожили?

– Шесть лет. Я там у них как раз и родилась. Но я сама этого своего периода не помню.

– И что? Потом из Москвы вы вернулись в Марокко?

– Да, сначала вернулись в Марокко, а уж оттуда в Израиль репатриировались.

– И где вы в Марокко жили?

– В Касабланке.

– Это на море?

– Да, на море.

– Так ты, наверно, арабский знаешь?

– Совсем немного, мы ведь недолго в Касабланке оставались. Я ходила, конечно, в детский садик, слышала там арабскую речь, но давно все позабыла. Мои родители по-арабски совсем дома не говорят.

– Так у тебя ностальгия, наверно, по Марокко?

– Спрашиваешь! Садик на берегу моря, под пальмами! А рынок! Какой рынок!

Минут десять я расспрашивал Сарит о семье. Она обстоятельно, красочно и образно, с трогательными и неповторимыми деталями, рассказала мне, как ее родители решили поехать учиться в Россию после того, как прочитали «Преступление и наказание», как общались там с диссидентами, как и поныне смотрят русское телевидение, а по вечерам слушают Чайковского.

– Поразительно! Я всегда был уверен, что Чайковским марокканцев можно только пытаться...

– Может быть, ты перепутал? Может быть, Скрябиным? – обиженно заметила Сарит.

– Прости. Я не должен был обобщать. Просто я действительно встретил в своей жизни несколько сефардов, которых классическая музыка из себя выводила.

– Это был Скрябин. Я уверена!

Я внимательно посмотрел на Сарит. Какое-то время она выглядела сердитой, но вдруг прикусила губу, закрыла лицо руками и, наконец, не выдержала и громко расхохоталась.

– Извини, Ури, – давась смехом, с трудом произнесла она. – Я пошутила... На самом деле я просто дружу с одной девчонкой из иракской семьи, и ко мне многое от сефардов пристало. А на самом деле мы из Москвы...

Я не мог опомниться. Водитель автобуса, который уже пару минут стоял на нашей остановке, без выражения посмотрел на меня и, убедившись, что мы не заходим внутрь, приготовился захлопнуть двери.

– Какой это номер? – очнулся я. – Быстро залезай! Это 48-й!

Сарит уехала, а я зашагал в йешиву, стараясь думать о предстоящих занятиях, днях трепета и приближающемся Йом Кипуре, но глупая улыбка помимо моей воли растягивала мне рот.

На другой день в йешиву позвонила мама и сказала, что меня разыскивает Андрей.

В перерыве между занятиями я выбрался к Фридманам.

Андрей усадил меня пить чай, но сам к своей чашке не притронулся.

– Искал меня?

– Да вроде того... – теребя пуговицу на рукаве, ответил Андрей. – Я хотел тебя кое о чем попросить. Понимаешь, мне совершенно не к кому больше обратиться. Зеев больной человек. Перенес недавно инфаркт.

– А в чем дело?

– Помнишь, я тебе рассказывал про гору Искушения?

– Как не помнить! Я ведь, оказывается, знаю это место. И очень неплохо знаю. Родители рассказали, что так у русских зовется гора Каранталь. У меня там рядом друг живет. Мы с ним вместе все ущелья в том районе исходили.

Мы с Йосефом, который жил на полпути между Иерусалимом и Иерихоном, действительно хорошо знали эту местность. Обыкновенно мы навещали бедуинские стойбища, где катались на ослах и приценивались к ягнятам (в школе я всегда мечтал, что в будущем заведу себе стада овец и буду пасти их среди этих холмов). Однако иногда мы выбирались и дальше и однажды действительно дошли до горы Каранталь.

– Да ты что?! Это же просто прекрасно! – обрадовался Андрей.

– Но при чем тут инфаркт Зеева?

– Дело в том, что туда необходимо срочно попасть!

– Срочно?

– Да. Я нашел там рукопись! – выдохнул Андрей.

– Рукопись? – не поверил я своим ушам.

– Да, древнюю рукопись. В одной пещере. Но не на горе, а как раз наоборот, в глубоком ущелье.

– Подожди, подожди. Рассказывай все по порядку. Когда это случилось?

– Накануне того дня, когда я угодил в больницу... Но ладно, давай по порядку: на третий день после того, как я приехал в Израиль, я доехал до Иерихона и отправился на гору Искушения.

– Почему именно туда?

– Это место кажется мне самым загадочным, самым таинственным местом на земле...

Не знаю почему, но меня сюда всегда тянуло. Это было как наваждение, как мечта – побывать наедине с самим собой в том месте, где Иисус находился в уединении сорок дней.

– Хорошо. Что было дальше?

– Я сошел с автобуса в Йерихоне, как мне объяснили Фридманы, добрался до подножья горы и углубился в какое-то ущелье. Два дня я переходил с места на место, делая привалы, пока случайно не набрел на пещеру, в которой и нашел рукопись.

– Как эта рукопись выглядела?

– Ну как, как свиток и выглядела, но я сначала не заметил ее, потому что она лежала в выемке в стене и была покрыта толстым слоем пыли. Я просто нечаянно ее задел, и она упала, при этом от нее отвалился довольно большой кусок. В той пещере не только рукопись была. Там была всякая утварь. Горшки, корзины, совершенно истлевшие, серпы какие-то... Но эта рукопись меня просто потрясла. Я, представь себе, даже что-то на том отвалившемся куске смог прочитать!

– А на каком же языке была рукопись? Как ты мог там что-то прочитать?

– Не знаю точно на каком языке, на иврите или арамейском, но буквы были ивритские. Я разобрал там слово «шней», то есть «два», и слово «Йешуа». Не знаю, означает ли это имя Иисус, или просто слово «спасение».

– Ладно, – махнул я рукой. – Оставим это. Так где теперь твоя находка?

– Там же, где и была. Дело в том, что я не знал, как ее унести. Когда я попробовал рукопись раскрыть, то она стала крошиться. Я понял, что в рюкзаке бы она просто измочалилась... Даже отвалившиеся куски не во что было положить. Тогда я решил съездить в Иерусалим за подходящим кэйсом. На рассвете я спустился в долину, вышел на какую-то дорогу. Стал останавливать попутные машины, кто-то меня подцепил и увезли неизвестно куда... Ну а дальше ты знаешь.

– М-да... – протянул я. – Ты не думаешь, что тебя кто-то мог выследить? Там, где ты рукопись нашел, бедуины были?

– Были. Они там овец пасли.

– Вот видишь. Ну а когда ты садился в машину, ты, вообще, хотя бы спросил, куда она едет?

– Спросил, конечно.

– Вот что я тебе скажу, – подытожил я свои подозрения, – то, что тебя повезли в другую сторону, а потом попытались сбить – все это очень может быть как-то связано с твоей находкой! Не исключено, что уже кто-то другой сейчас эту рукопись про твоих «двух Иисусов» читает!

– Вот я и говорю, может, ты сходишь и проверишь?

– Покажи мне карту, по которой ты ориентировался.

Андрей извлек из рюкзака туристскую схему Израиля и стал что-то царапать на ней спичкой.

– Нет, так дело не пойдет, – развел я руками. – По такой карте да с твоей спичкой! Ты, может быть, сам какой-то план нарисуешь?

После долгих попыток что-то изобразить на листе бумаги, Андрей пришел почти в полное отчаяние.

– Вот что, Андрей, давай быстрее поправляйся, и отправимся туда вместе, – резюмировал я. – Никакого другого способа отыскать пещеру я не вижу.

После Йом Кипура настали осенние каникулы, которые мы с друзьями решили провести на Голанах. С утра ходили по ущельям с озерами и водопадами, а вечерами просиживали у огня, жаря мясо. Но с наступлением Суккота, как ни жаль мне было уезжать и как ни уговаривали меня остаться, я отправился домой. Родители меня уже давно не видели, да и Андрея надо было проведать.

Первый праздничный день Суккота пришелся на субботу, и я встретил его дома. Сам я в строительстве шалаша не участвовал, но проконсультировал отца и брата по телефону. Как всегда, они возвели временное жилище во внутреннем дворе и изобретательно и с любовью украсили. Суккот даже и родители очень любили. Ведь в эту неделю – благо так повелел Создатель – взрослый человек может как ребенок с чистой совестью часами просиживать в самодельном «домике» из фанеры и цветных покрывал, хотя рядом находится его комфортабельное жилище.

На следующий день, в воскресенье, после утренней молитвы у Котеля, я зашел к Фридманам.

Андрея я нашел в его комнате в скверном настроении. Недельное сидение в четырех стенах порядком поднадоело ему.

– Хочешь, погуляем по Иерусалиму? – предложил я.

– Иерусалим, Иерусалим, – произнес он печально. – Гоголь вот тоже всю жизнь стремился в Иерусалим. Надеялся, что это паломничество избавит его от тяжелых мыслей, и просчитался... Я отчасти на то же рассчитывал, и отчасти также напрасно.

– Да что же у тебя за тяжелые мысли такие?! – удивился я, припомнив, что Андрей и раньше временами выглядел несколько растерянным и, как мне однажды показалось, даже подавленным. Потихоньку я вытянул из Андрея его тайну. Оказалось, что он страдает из-за девушки, которая предпочла ему другого, и что теперь он старается ее забыть. Но чем больше старается – тем меньше получается.

В этом смысле Андрей возлагал особые надежды на свое путешествие. Оказывается, гора Испытания должна была воистину стать горой преодоления испытания. Исцелиться он сюда ехал – вот что! А вместо этого сломал ногу, нашел и потерял рукопись – и теперь валялся дома, постоянно думая о девушке, отчего состояние только ухудшалось...

Мне сразу стало ясно, кто тут может помочь. Покопавшись в бумажнике и сразу опознав розовый с цветочками листок, я позвонил Сарит, и минут через сорок мы уже гуляли по рынку и прилегающему к нему району Нахлаот. Сарит очень забавно имитировала гида, показывая Андрею прилавки с апельсинами, крикливых торговцев и решительно ничем не примечательные здания.

– Перед нами знаменитые израильские колобки! – говорила она, указывая на гору пит. – В отличие от своих русских аналогов они совершенно пусты изнутри. Приобретение колобков не входит в стоимость экскурсии, но если у вас хватит денег, в перерыве вы сможете купить по такому колобку и угостить экскурсовода или же сохранить колобок в качестве сувенира...

На улице Агриппас мы зашли в шалаш, выставленный при входе в одну из небольших закусочных^{3 1}. Мы с аппетитом уплетали «колобки» с фалафелями и смеялись. Сарит дразнила Андрея его костылями и неловкостью, а он в ответ укорял ее за прогулы и легкомыслие.

С торгового ряда доносилась оживленная русская речь.

– Петь, посмотри, что это?

– Какие-то груши с пупырышками...

– Какие еще груши?

– А что же? Огурцы что ли?

– Это они на авокадо наткнулись, – засмеялась Сарит. – Может, и им небольшую экскурсию провести?

– Им не про авокадо, а про «территории» надо рассказывать, – посетовал я. – Ожидается, что скоро сюда из России приедет миллион евреев. А наше правительство ничего не делает для того, чтобы заселить ими Иудею и Самарию.

– И очень хорошо, – заявила вдруг Сарит. – Если эти территории заселить, то потом нельзя будет поделить землю с палестинцами и заключить с ними мир.

Меня передернуло от этих слов. Я всегда лишался душевного равновесия, когда при мне кто-либо начинал мысленно кромсать Эрец Исраэль.

– Поделить землю? Иудею и Самарию?! – воскликнул я. – Да ведь это и есть та самая земля, которая нам Богом обетована! Арабы где хочешь могут жить, а мы без этой земли никак не можем.

На личике Сарит появилась уже знакомая мне насмешливая гримаса.

^{3 1} В течение всей праздничной недели есть можно только в шалашах.

– Кто это – мы? Иудейские фанатики?

– Можно не разделять еврейскую веру, но нельзя не понимать, что иудаизм – это не только религия народа Израиля, но и религия земли Израиля, и, значит, запрет евреям селиться в Эрец Исраэль равносителен запрету исповедовать иудаизм.

– Исповедуйте свой иудаизм в Тель-Авиве – это такая же земля Израиля, как ваш Шхем или Хеврон.

– Совсем не такая же. Ты что, не знаешь, что и в Шхеме, и в Хевроне – гробницы Патриархов? Да и о чем сыр-бор? Вся Иудея меньше Москвы...

Увидев скучающее выражение на лице Сарит, я решил перейти к доступным каждому израильянину «шкурным» аргументам.

– А безопасность? Без Шхема и Хеврона, без гряды гор, на которых они расположены, нельзя защитить ту двадцатикилометровую прибрежную полосу, которую мировое сообщество отдало нам под государство.

– Глупости. Если мы уступим арабам оккупированные территории, то у них вообще не будет никакого повода на нас нападать.

– Но ведь они постоянно находили такой повод задолго до того, как мы успели у них что-то «оккупировать».

– Молодец, что об этом напомнил. Оказывается, мы их прекрасно били со своей «двадцатикилометровой прибрежной полосы».

– Прекрасно били? – схватился я за голову. – Победу в «Шестидневной войне» нам принес исключительно предупредительный удар ЦАХАЛа... Но в 1973 году мы отразили нападение Сирии и Египта только благодаря стратегической глубине полученной в 1967 году...

– Ты не понимаешь, что арабы тоже меняются?

– Меняются?! Ты знаешь, что сказал Анвар Садат после того, как Бегин подарил ему Синай? Он сказал: «Наша задача вернуть Израиль к границам до 1967 года, остальное завершат наши дети».

– А ты знаешь, что не может быть свободен народ, владеющий другим народом?

– Не передергивай! Это арабы не могут быть свободными, пока не откажутся от мысли нас уничтожить. Мы же как раз готовы предоставить им автономию.

– А если они не захотят довольствоваться автономией?

– То пусть тогда отправляются на свою историческую родину! Пусть совершат хадж в один конец! – выпалил я, начиная понемногу выходить из себя. – «Если забуду тебя, Мекка...» и так далее. Мы готовы оплатить им проезд...

– У тебя мания преследования, у тебя комплекс Масады! – извлекая последние «козырные» аргументы из арсенала своих «либеральных» лозунгов, крикнула Сарит.

– Сарит, но тогда и у меня этот комплекс, – вмешался Андрей. – У меня и у многих других. Академик Сахаров, например, говорил, что на те деньги, которые человечество вгрохало в поддержание палестинского дела, уже давно можно было бы обустроить всех палестинцев в самых разных странах мира.

– Это несправедливо. Они здесь родились и имеют свои права... нельзя их нарушать, – бесстрастно возразила Сарит.

– Сарит, что ты говоришь?! – возмутился я. – Кто тебе так голову заморочил? Арабы имеют в Израиле больше прав, чем в любой другой собственной стране, которых у них больше двадцати! Пойми, им не права нужны, им нужно нас уничтожить. Как можно всего этого не видеть?

– Ну да, – подтвердил Андрей. – Граждане Ливии, Сирии или той же Саудовской Аравии лишены многих элементарных прав, но всех почему-то лишает сна именно положение достаточно благополучных в правовом отношении палестинцев! Как ты думаешь, почему? Да

потому что этой публике на самом деле не права палестинцев интересны, им интересно лишить евреев права на Святую Землю... Это называется «правами человека по жидовской морде».

Сарит рассмеялась.

– Ну ладно, хватит! Сдаюсь, сдаюсь... Что, пошутить уже нельзя?

Мы с Андреем разом онемели. Я, наученный уже опытом, первый пришел в себя.

– Как это – пошутить? Это что, шутка была?

– Так, вроде того. Повеселить вас захотелось.

– Должен сказать, что тебе это не очень удалось, – еще не остыв, с досадой заметил я.

– Да брось, Ури, отличная была шутка. Я оценил, – возразил Андрей. Глаза его блестели,

он оживился, раскраснелся.

Мы еще сходили в парк Ган Сакер, откуда через красивейший сад роз вышли к Кнессету – израильскому парламенту. Андрей чувствовал себя прекрасно и как будто не замечал костылей. Попытка развлечь больного все-таки оказалась успешной.

– Я вижу, тебя, в отличие от Гоголя, Иерусалим, все же привел в чувства, – заметил я, когда мы посадили Сарит на автобус.

– Не столько Иерусалим, сколько иерусалимка! – весело поправил Андрей.

* * *

На другой день мы с Андреем поехали в Старый город. Автобус подвез нас к Котелю⁴¹, а потом мы шли через весь Старый город по направлению к храму Гроба Господня.

Мы вошли в христианский квартал и через полчаса после бесчисленных остановок возле лавок с восточной экзотикой – с агрессивными цветами, запахами и голосами, бьющими по глазам и по ушам, которые мне порядком приелись, а у Андрея вызывали восторг, – подошли наконец к цели нашего путешествия – храму Гроба Господня. Увидев, что перед воротами я остановился, Андрей нерешительно спросил.

– Ты что, не зайдешь со мной?

– Что-то нет настроения... Я тебя здесь подожду.

Он пробыл там не меньше часа и вернулся совершенно потрясенный.

– Там такая очередь была, но я все же дождался, прикоснулся к ложу... Это исток жизни...

Всю дорогу до Яффских ворот он не мог остановиться, все рассказывал, про какую-то плиту и про какое-то отверстие.

Я рассеяно слушал.

– Жаль, что ты не зашел туда. Все-таки это то самое место, где воскрес Мессия, – заключил Андрей, когда мы дошли до башни Давида и уселись там на лестнице перед входом, чтобы Андрей смог съесть прикупленную им по дороге арабскую лепешку.

– Воскрес? Мессия? – усмехнулся я. – У меня нет такой информации... С чего ты это взял?

– Из Евангельского свидетельства. Воскресший являлся в теле своим ученикам...

– Явление умерших – самое обыкновенное явление. Причем очень часто призраки выглядят совершенно осязаемыми. В Гемаре, например, описывается, что после своей смерти рабби Иегуда Ханаси в течение месяца являлся своим ученикам и домашним, даже делал с ними киддуш. Так что в этом пункте евангельское свидетельство не очень убедительно. Да и не только в этом. Многие из того, что описывается в Евангелиях, просто не могло быть.

Должен сказать, тема эта не была мне в диковинку. В свое время я прочитал книгу Хаима Коэна о суде над Иисусом, в которой доказывалось, что если иудеи и вмешались в римский

⁴¹ Котель – буквально стена (Стена Плача).

процесс над ним, то только в надежде предотвратить казнь. А полгода назад мне дали почитать исследование Хаима Маккоби, который утверждает, что Йешуа в первую очередь стремился изгнать римлян, хотя и надеялся осуществить это не столько военными, сколько чудодейственными средствами...

– Но чего тут не могло быть? – удивился Андрей.

– Как тебе сказать? Встречаются даже и иудеи, которые верят в то, что Йешуа был осужден Сангедрином. Но это мнение они, в конечном счете, переняли от христиан... Немыслимо, чтобы при Пилате какие-нибудь евреи выступили против того, кто провозгласил себя Мессией, то есть их освободителем, да еще восприняли бы его как богохульника. А вот римляне мириться с ним как раз никак не могли... Хаим Маккоби об этом целое исследование написал.

– Так этот Маккоби признавал или нет, что Иисус провозглашал себя Мессией?

– В каком-то смысле признавал. Но евангелисты все исказили, а на домыслах религию не построишь. У тому же Рамбам учит, что Мессия вовсе не должен воскресать, не должен делать никаких чудес. Он должен восстановить государство, в котором будут уважаться и исполняться законы Торы.

– Прости, конечно, но какой-то скучный у вас Мессия... Хотя на самом деле, не в слове «Мессия» вообще дело. Я лично легко бы этот почетный титул вашему Мессии уступил... Но в нашем Иисусе важно, что он именно совершил великое чудо – воскрес...

– Все люди и без того воскреснут в последний день. Зачем ему понадобилось вставать из гроба до срока? И зачем из этого устраивать культ?

– Как это зачем? Всякий первооткрыватель достаивается кукла.

– Но разве он первый? И до него Йехезкель воскрешал людей, и Элиягу воскрешал... Да и позже мудрецы делали это. Рава воскресил раби Зейру, а раби Ханина – стражника царя Антониуса... И вообще... я не верю в то, что он воскрес.

То ли мои слова застали его врасплох и вывели из себя, то ли Андрей просто устал за целый день, но костыль, который он все это время машинально вертел в руке, со звоном упал на парапет и отлетел вниз по лестнице на несколько метров, что вызвало живой интерес у проходящей мимо группы туристов в одинаковых белых панамках.

– Не веришь? А что же ты скажешь по поводу туринской плащаницы?

– Я даже не знаю, что это, – честно признался я, сбегав за костылем и вернув его Андрею.

– Спасибо. Так вот слушай. По преданию, Иисус после смерти был завернут в саван, который хранится до сих пор. В настоящий момент он находится в Турине. Так вот знай, что на этом саване проступило негативное изображение человека с описанными в евангелии увечьями. Создается впечатление, что ткань именно «засветилась». Это невозможно считать подделкой. А совсем недавно специальный компьютерный анализ обнаружил на веке человека отпечаток монеты. То есть на глаз усопшего была положена монета, которая там отпечаталась. При этом выяснилось даже, что эта монета времен императора Тиберия была вычеканена с необычным написанием. В слове император – «kaicagos» – вместо буквы «к» стоит «с», то есть «саисагос». Сделали проверку и убедились, что в мире действительно существует несколько таких монет...

– Надо еще разобраться, насколько это не подделка, – ответил я. – Слишком уж все это фокусами отдает.

Но рассказ меня заинтриговал, и под вечер, еще не остыв от споров с Андреем, я решил позвонить своему знакомому – Пинхасу Бен-Цви, человеку, сведущему в такого рода вопросах.

Я познакомился с Пинхасом ровно год назад. Тогда мы с Йосефом в очередной раз блуждали по Иудейской пустыне. Обыкновенно мы путешествовали в северном направлении: спус-

кались в вади Кельт рядом с живописным монастырем Сент-Джордж; пару раз дошли до Хасмонейских дворцов, откуда уже было рукой подать до Йерихона. Но на этот раз мы двинулись на юг, вошли в вади Кумран и спустились по нему к Мертвому морю. Там, в самом низу, у раскопанного археологами городе кумранитов, мы пристали к одной экскурсии и прослушали лекцию про секту «Яхад» и про спрятанные ею рукописи.

– Почему в Талмуде нет ни слова о ессеях? – удивлялись мы на обратном пути. – Какие тому могли быть причины? Неужели мудрецы стали бы что-нибудь замалчивать? Они всегда спорили с теми, с кем не соглашались. И вот кумранские рукописи показали, что где-то рядом находился какой-то другой, огромный богатый мир, но Талмуд не упоминал о нем ни слова...

С этим вопросом я пошел тогда к наиболее уважаемому мною раввину нашей йешивы – равву Исраэлю, но он ничем не мог мне помочь. Разве что признал, что тоже никогда в Талмуде не встречал упоминания ни об Учителе праведности, ни о ессеях. Однако, подумав, рав Исраэль посоветовал обратиться к одному своему знакомому археологу – знатоку в таких вещах. Так я и познакомился с Пинхасом Бен-Цви.

Пинхас был «свой человек»: во-первых, молодой, лет двадцати семи – двадцати восьми, во-вторых, в вязаной кипе, наконец, офицер ЦАХАЛа в запасе. И при этом на редкость эрудированный и широкий.

Мой вопрос не был для него неожиданным.

– Таких упоминаний действительно нет, – подтвердил Пинхас. – Но кто вообще упоминается? Знаешь ли ты, что в Талмуде всего один раз встречается слово «ноцрим» – «христиане»? Мы, правда, привыкли под общим словом «еретики» понимать христиан. Но это совсем неоднозначно. Иногда совершенно ясно, что имеются в виду другие еретики. Их десятки, но Талмуд о них также умалчивает.

– Откуда же о них вообще тогда известно? – удивился я.

– Известно из того же Талмуда, но имен сект не приводится. Приводится только число. Например, в Иерусалимском талмуде в трактате Сангедрин рабби Йоханан бен Заккай утверждает, что Израиль не был рассеян, пока он не распался на двадцать четыре секты.

– Но почему, если в Гемаре имеются упоминания о Йешуа, то ни слова не сказано об Учителе Праведности? Ведь по сути он был первым, кто претендовал на роль Мессии. Как его можно было обойти?

На этот вопрос Пинхас мне внятно не ответил. Но в целом произвел впечатление очень яркого и знающего человека.

На прощание Пинхас дал мне почитать несколько книг и копии главнейших кумранских рукописей. Так я прочел «Дамасский документ», «Устав», «Войну сынов света с сынами тьмы», прочел так называемый «Храмовый список», возбуждающий множество вопросов, связанных с календарем, прочитал комментарии к различным книгам ТАНАХа и, наконец, особенно поразившие меня гимны Учителя Праведности. Тексты были неровные, но от некоторых слов исходила удивительная подлинность и сила, соразмерные с подлинностью и силой ТАНАХа.

И снова я удивился тому, что в Гемаре нет упоминаний ни об этом Учителе, ни о секте «Яхад», ни даже о ессеях, к которым многие эту секту относили. Было странно думать, что такие яркие документы могли остаться неизвестными... Значит, еще что-то более великое могло возникнуть и не сохраниться для потомков? Мыслимо ли это?

Как бы то ни было, именно к Пинхасу я решил обратиться по поводу плащаницы.

Я пришел к нему в конце недели шалашей и соответственно в конце осенних каникул.

Он повел меня в шалаш, который соорудил у себя на балконе – настолько просторном, что на нем умещались низкий столик, диван и два кресла. На столике стояли дорогие бокалы

и напитки, вазочка для льда из голубого стекла и стаканчик с соломками. Из гостиной доносились тихая джазовая музыка. Мне было немного неуютно в таком люксовом жилье и при таком элегантном хозяине, и первые минуты я думал только о том, как правильно пить из этих бокалов и как правильно сидеть на белом диване, но тема разговора была такой интригующей, что я скоро совершенно забыл обо всем.

Как я и ожидал, Пинхас прочел мне целую лекцию. Он рассказал, что в древние времена при захоронении тело усопшего не покрывалось саваном, а обвивалось вокруг, причем голова – и это важно – повивалась отдельно. Уже одно это обстоятельство позволяло говорить о том, что Туринская плащаница поддельна. Пинхас рассказал и о негативных результатах углеродного анализа и предположил, что плащаницу изготовил Леонардо Да Винчи, который, по его словам, имел доступ к тем погребальным пеленам, которые на протяжении веков хранили христиане.

Напоследок я спросил у Пинхаса, имеются ли у него какие-нибудь книги о христианстве и его основоположнике. У Пинхаса было все. Он пробежал глазами длинные и аккуратные ряды книг и быстро нашел нужное: это была книга Давида Флуссера, профессора еврейского университета, у которого Пинхас, оказывается, в свое время проучился целый семестр.

– А книга Маккоби у тебя есть? – поинтересовался я.

– На английском.

– Ну, на английском... Она, по-моему, и не переведена.

Я взял также и Маккоби. Решил сделать копию для Андрея.

От Пинхаса я пошел в йешиву, чтобы на другое утро в подходящей обстановке встретить праздник Ошанна-раба. Однако пока во время утренней службы мы молились с пальмовыми ветвями в руках, в Тель-Авиве были зарезаны и задушены семь человек, в основном молодые девушки. Два террориста из Газы заходили в случайные квартиры и там зверски – с помощью ножей, молотков и веревок – убивали тех, кого заставляли.

Вечером с исходом Ошанна-Раба начался другой праздник – Симхат-Тора, по веселью, пожалуй, не уступающий Пуриму. Но настроение у всех было подавленное. Медленно двигаясь по кругу со свитками Торы в руках, мы распевали гимны, стараясь не поддаваться унынию. Впрочем, минут через пятнадцать многие уже весело плясали: скакали, кружились, сближались и расходились рядами, водрузив на плечи товарищей. Но я ушел, не дождавшись конца. Так и не смог прийти в себя.

Началась учеба. Свободного времени почти не было, но для экспедиции в Каранталь я его все-таки нашел. В первой половине ноября, как только врачи разрешили Андрею передвигаться без костылей, мы дождались хорошей погоды и сразу выехали в поселение Веред-Йерихо. Час X настал.

Мы долго шли вдоль горной гряды, с опаской озираясь на кое-где подбирающиеся к самому подножию йерихонские дома. Всматриваясь в каждую небольшую расщелину, Андрей растерянно повторял:

– Очень похоже, но вроде не оно, – а потом, как бы оправдываясь, бурчал под нос, – в тайге и то легче ориентироваться.

Несколько раз мы углублялись в очередное ущелье, но каждый раз это заканчивалось тем, что Андрей с досадой признавался, что эти места ему совершенно незнакомы, и мы возвращались назад.

– Ну хорошо, успокойся, сосредоточься, – советовал я, – вспомни, где был Иерихон, когда ты спустился с гор.

– Прямо передо мной и был! Вроде бы... Все как-то в тот раз по-другому выглядело...

Мы тыкались вслепую в каждое углубление, которое замечали, и так провели целый день. Наконец я понял, что очень скоро стемнеет, и скомандовал возвращаться.

– Плохое сейчас время для таких походов. Дожди, и день короткий. Сюда или ранней осенью, или поздней весной надо идти.

– Как ты себе это представляешь? – ужаснулся Андрей. – Я же уезжаю в декабре, а ты в армию весной идешь.

– В армии существуют отпуска. Подгадаем к ним и снова сюда сходим.

В тот момент я действительно был уверен, что так оно и будет. И что если не весной, то осенью мы сюда обязательно вернемся...

На другой день после нашего похода Андрей отправился путешествовать в Галилею. А я в конце декабря, на ханукальные каникулы, уехал с друзьями на Мертвое море – в район Эйн-Геди.

Если я теперь и вспоминал о рукописи – то только со скепсисом. Со временем мое отношение ко всей этой истории изменилось. Я пересмотрел ее от начала до конца и почти потерял к ней доверие. В самом деле, как случайный, неопытный в таких делах человек может найти что-то стоящее там, где до него уже прошли десятки, если не сотни, бедуинов и ученых?! Весь район Мертвого моря был прочесан на предмет свитков уже десятилетия назад. Да и как он мог бы отличить древнюю пещеру от «современной», в которой время от времени останавливаются бедуины, – та же утварь: те же горшки, те же корзины?! И если ему попалась на глаза какая-нибудь не имеющая никакой ценности рухлядь, которую бедуины приволокли для растопки, он, человек увлекающийся, мог бы легко принять ее за древнюю рукопись. Да и состояние Андрея в тот день было из ряда вон скверное. Что я не видел, как он в тот день засыпал, сидя на рюкзаке? Трудно было отнестись с серьезностью ко всей этой истории.

Я зашел к Фридманам только первого тевета, за день до отъезда Андрея, перед Новым годом, который он хотел встретить в России, – и к своему удивлению застал там Сарит.

Она пришла с подарком: принесла Андрею на прощание несколько книг на иврите, чтобы он в Москве совершенствовал язык.

– А я тут делюсь с Сарит галилейскими впечатлениями... – сказал мне Андрей.

– Ну и как? – поинтересовался я.

– Капернаум меня поразил... Его, представляешь, раскопали! Я неподалеку от него, на самом берегу Кинерета, три полных дня провел.

– В палатке что ли?

– Да, в палатке. Молился, Библию читал, да и другие книги. Маккоби, кстати, начал.

– Слушай, а я для нас с тобой назначил на завтра встречу с одним знакомым. Он – историк, археолог, талмудист, знаток раннего христианства и очень интересный человек.

– Ты хоть знаешь, когда у меня самолет?

– Ты сказал, в десять... вечера?

– В десять утра!

– Надо же! – огорчился я. – Слушай, а вдруг он сегодня может?

– Я бы не прочь с ним познакомиться!.. Только хотел напоследок побродить по Старому городу... А ты хочешь пойти? – спросил Андрей у Сарит.

– Ой, конечно! Ужасно хочу с ним познакомиться!

– Я имел в виду пойти со мной в Старый город, – неловко улыбнувшись, поправился Андрей.

Сарит смутилась.

– Конечно, Андрей! Пойдем сейчас погуляем, а потом уже завтра мы с Ури пойдем к историку – правильно, Ури?

Мы поехали в Старый город. По дороге Сарит рассказала, что ее две недели назад вызывали в полицию.

– Поймали террориста?! – оживился я.

– Нет, не поймали. Наоборот, решили закрыть дело. И поэтому снова меня допросили. Ведь получилось, что только по моим показаниям это выглядит как предумышленный наезд. А следователь стал сомневаться в этом...

– Ну и что?

– Не дала им дела закрыть! – гордо сказала Сарит. – Сказала: ищите!

В Старом городе мы пошли к южной стене Храма, точнее к тому, что от нее осталось. На углу, уже с западной стороны, я показал след древней арки.

– Видите? Когда ее римляне обрушили, каменный тротуар повредился... Эта арка служила лестницей на Храмовую гору, под ней торговали жертвенными животными, мелкими, конечно, козами, голубями.

– Да что ты говоришь? – воскликнул Андрей. – Так это, выходит, то самое место, где Иисус разгонял торгующих? А это, получается, тот самый тротуар, по которому он ходил?

– Чего не знаю – того не знаю. Но то, что здесь ступала нога рабби Йохана бен Заккая, раббана Гамлиэля и других мудрецов тех времен, я тебе ручаюсь.

Совершенно ошеломленный Андрей присел и прикоснулся ладонью к камням.

– Какое счастье, что в византийский период святые отцы не прознали, что это было место торговли! Иначе они непременно возвели бы там церковь, назвали бы ее «Храм Разогнавшего всех торгующих» и совершенно лишили бы людей живой связи с самим местом. Я в Галилее на это насмотрелся. Насколько радуют взор все эти цветистые купола, поднимающиеся над какой-нибудь березовой рощей под Димитровым, настолько они нелепы и неуместны здесь...

– А ты знаешь, Андрей, я первый раз в жизни общаюсь с живым христианином, – призналась вдруг Сарит. – Я всегда думала, что это страшные люди, но теперь вижу, что ошибалась.

– Да что ты такое говоришь! Чего же в христианах такого страшного?

– Ну, вся эта инквизиция, все эти крестовые походы, очистившие Святую землю от евреев. О Катастрофе я уже не говорю.

– Ну и не говори! При чем тут христиане! – возмутился Андрей. – Крещеные пособники Гитлера – не христиане! И нацизм – это неоязыческое явление. Гитлер планировал полностью ликвидировать также и христианство.

– Может быть. Но разве ты станешь спорить с тем, что христианство нередко насаждалось силой? – добавил я.

– Да, но пафос нетерпимости к неверным как раз из Ветхого завета заимствован. Только язычники бывают толерантны друг к другу, а монотеисты всегда непримиримы.

– Ну уж извини! – воспротивился я. – Иудаизм не приемлет джихада. Когда царь Шломо молился о том, чтобы в Иерусалимский храм приходили все народы, он вовсе не требовал от паломников отречения от их богов. Это спор рабби Йегошуа и рабби Элиэзера. Рабби Элиэзер считал, что иноверец может наследовать грядущий мир только в том случае, если отречется от ложного служения и примет иудаизм, но рабби Йегошуа, мнение которого приняли все мудрецы, учил, что и язычник может спастись.

– Как это может быть? – оторопел Андрей. – Библия же через слово угрожает уничтожением неверных и предписывает искоренение целых народов.

– Это ложное впечатление. Бог действительно запретил идолослужение всему человечеству, но наказывает за него только евреев. Рабейну Бехайе еще тысячу лет назад подметил: нигде во всем ТАНАХе Бог не осуждает народы, служащие ложным богам, за исключением тех, которые приносят человеческие жертвы. Именно в этом состоял грех ханаанских народов, и именно за это Бог повелел их искоренить из Святой Земли.

– Обязательно проверю.

Когда стемнело, мы покинули Старый город и не торопясь прошли по улице Яффо до самого дома Фридманов.

– Дайте-ка мне на память по монетке, – попросил Андрей.

Я высыпал из кошелька мелочь и протянул.

– Ничего, если я пять шекелей возьму?

– Хоть все забирай.

– Все не надо. Мне надо именно пять, – пробормотал Андрей, вытягивая приглянувшуюся ему монету.

– А у меня есть только один шекель, – сказала Сарит, – зато старый. Я его просто так таскаю. Хочешь?

– На него ничего уже не купишь?

– К сожалению...

– Почему к сожалению, ведь это значит, что он бесценный!

При этом Андрей посмотрел на Сарит такими сияющими глазами, что можно было подумать, будто эпитет «бесценный» относится к ней самой.

Мы простились с Андреем и пошли к остановке.

– Ну так как, идем завтра к Пинхасу? – напомнила Сарит.

Я не был в восторге от этой идеи: религиозному парню приходиться в гости к уважаемому ученому в сопровождении легкомысленной девчонки, которая завирается, увлекается, не к месту хохочет... что он обо мне подумает?

– Мы с ним утром встречаемся, – у меня еще была надежда отговорить ее. – Ты еще в школе будешь.

– Опять ты за свое! – взбунтовалась Сарит. – Нечего там делать, в этой твоей школе!

– Как это нечего? А аттестат зрелости? А твое будущее?

– Немедленно выключи «папочку», – с иронией сказала Сарит, – я иду – и все тут! Знакомство с профессором гораздо полезнее для моего будущего... Так где и когда мы встречаемся? – спросила она легко и уверенно, как будто вопрос уже решен. Возражений не допускалось.

Хотя у меня и было неопределенное предчувствие, что это знакомство до добра не доведет, но я сдался.

Несмотря на мои опасения, все прошло гладко. Знакомясь с Сарит, Пинхас приветливо кивнул ей головой и больше уже не обращал на нее внимания. Выставив на журнальный столик чай с шоколадными конфетами, он усадил нас на диван, а сам сел на стул напротив.

– Андрей улетел в Россию. Сарит – вместо него. Мы хотели бы узнать побольше о ессеях и вообще о том времени.

– Что вас конкретно интересует?

– Нас, например, удивляет сходство между Учителем Праведности и Иисусом. И тот и другой говорят о себе в превосходной степени, и тот и другой связывают свое учение с «Новым заветом». И тот и другой находятся в конфликте с Первосвященником. А сходство ессеев и христиан просто бросается в глаза...

– Да, правда, всем начинающим читателям кумранских текстов так кажется, – начал Пинхас, – что Учитель Праведности – это Иисус из Назарета, а ессеи – это христиане. Первым, насколько я помню, к такому выводу пришел христианский историк Евсевий Кесарийский после того, как прочитал книгу Филона о терапевтах. Чуть позже эта книга Филона навела на ту же мысль другого христианского автора – Епифания. После того как нашлись кумранские рукописи, немало исследователей направились по стопам этих древних церковных историков. Например, Андре Дюпон-Соммер.

– И?

И... это, конечно же, совершеннейший вздор! Между Учителем праведности и Йешу пролегал срок не менее чем в столетие. Какое-то влияние, возможно, и имело место, даже наверняка имело, но отождествлять ессеев и христиан – верх наивности.

Пинхас был в тот вечер просто в ударе. Сарит слушала его, затаив дыхание, и даже не пыталась что-то вставить, затихла, как добродетельная мышка (чему я был особенно рад).

Пинхас рассказал бездну интересного. Например, об удивительной, можно сказать мистической, связи между укрытием кумранских свитков и их обнаружением.

– Бедуины, нашедшие в Кумране кувшины со свитками, предлагали их нескольким людям, но те не могли оценить их значения. Первым, кому это значение действительно открылось, был профессор Иерусалимского университета Сукеник. 25 ноября в его руки попал один свиток, а 29 ноября он приобрел еще три свитка и именно тогда все понял!.. Если не считать папируса Нэша с фрагментом отрывка «Шма Израэль», который датировали первым веком до нашей эры, все прочие сохранившиеся тексты священного писания на иврите относились в лучшем случае к девятому веку. А тут вдруг свитки целых библейских книг в прекрасном состоянии! Первого и даже второго веков до нашей эры. Это было невероятно. Как будто бы века смыкались. Как будто бы прерванная история восстанавливалась... Но самое удивительное, что она действительно восстанавливалась. Это открытие было сделано Сукеником 29 ноября 1947 года. А ты знаешь, что это за день? – обратился Пинхас ко мне.

– Я не помню точную дату, но могу догадаться...

– Да, – торжествуя улынулся Пинхас. – В этот день Генеральная ассамблея ООН проголосовала за план разделения Палестины на независимые Еврейское и Арабское государства! Вы только вдумайтесь. Во времена Римской империи, в преддверии гибели еврейского государства, сотни свитков – в том числе специально принесенные из Иерусалима – были спрятаны в Кумранских пещерах. Они пролежали нетронутыми почти два тысячелетия и были обнаружены ровно в тот день, когда народы признали право евреев на восстановление своего государства!

– Но я припоминаю, что, кажется, в одной из пещер кто-то уже побывал и раньше. Она выглядела разграбленной, – неуверенно возразил я.

При этих словах Пинхас явно оживился и даже обрадовался.

– Но ведь и это разграбление, очень может быть, произошло не случайно! Знаешь ли ты, что эти рукописи, возможно, попали в руки караимов? Некоторые исследователи предполагают, что эта община пошла в гору после того, как обрела какие-то кумранские рукописи и положила их в основу своего движения. Во-первых, иерусалимская община караимов стала использовать календарь кумранитов, о котором никому в ту пору вроде бы не было известно.

Во-вторых, упоминания о том, что они объясняют свои идеи найденными в земле книгами, приводятся в ортодоксальных источниках. Наконец, один христианский епископ тех времен, то есть когда караимы как раз зарождались, писал в одном своем послании, что в районе Йерихона в пещере были обнаружены древние рукописи... В этом письме даже рассказаны обстоятельства этой находки, и они поразительно напоминают обстоятельства находки 1947 года: в одном случае в глубокую пещеру провалилась собака, во втором – забрела овца... Ты, наверное, знаешь, что в каирской генизе была обнаружена одна из важнейших книг кумранитов – «Дамаский документ»?

– Слышал.

– Так вот, это опять же серьезное подтверждение того, что в девятом веке в какой-то из кумранских пещер побывали гости и не просто ее разграбили, а как-то восприняли хранившиеся там тексты.

– Надо же! – вырвалось у меня.

Мне невольно припомнилась найденная Андреем рукопись, в которой говорилось о каких-то двух Иисусах, но я немедленно отогнал эту мысль. Даже не стал уточнять у Пинхаса, когда в районе Йерихона в последний раз что-то находили.

– Пропавшая и обретенная рукопись порождает целое религиозное движение! Это поразительно, Пинхас.

– Такое случается гораздо чаще, чем можно ожидать. Про книгу Торы – Второзаконие, я думаю, тебе рассказывать не надо. Про Зохар тоже. Но вот пример из философии: аналитика и топика Аристотеля, лежащие в основании так называемой «новой логики», стали известны европейцам от арабов. Не найдись эти книги, европейская философия и теология стали бы развиваться совсем иначе! Случайно обнаруженная рукопись может перевернуть мир... Знаешь ли ты, что кумранские рукописи, попавшие в руки Ватикана, – а это почти половина находок – не только не опубликованы, но даже полностью закрыты для ученых. Как ты думаешь, почему? По этой самой причине. Ватикан боится, что какой-нибудь древний свиток переиначит их религию.

– Я про Зохар слышал, что Моше де Леон сам эту книгу написал, а не нашел. Ты что об этом думаешь?

– Я думаю, что это не меняет сути дела. Мне кажется, что с обвинениями в фабрикации следует быть поосторожнее. Какой вообще источник может их избежать? Коран? Платоновские Диалоги? Библия, наконец? Магомет долгое время сам не доверял своим откровениям. Диоген Лаэртский приводит жалобу Сократа на то, что Платон сплошь и рядом приписывает ему слова, которых он не произносил. Ну, а критикой Библии вообще кормится целая армия профессоров.

– Ну извини меня, существует разница. Как можно сравнить Библию с той же книгой Мормона?

– Ты прав, выяснить время написания текста совсем не трудно, равно как и разобраться в вопросе его художественности. Я хотел сказать другое. Я хотел сказать, что судьбу рукописи, вообще книги, определяют духовные запросы людей. Если рукопись не найдется, то ее придумают. Ты слышал когда-нибудь о Доноване Джонсе?

– Впервые слышу это имя.

– Это австралийский журналист, который лет пятнадцать назад опубликовал книгу, в которой утверждал, будто бы, подкупив каких-то археологов, работавших в крепости Масада, он получил от них копию свитка, написанного рукой самого Иисуса из Назарета.

Джонс утверждал, что в этом свитке Иисус представил себя вождем восстания против римлян и описал свой роман с Марией Магдалиной, не утаив, что прижил от нее ребенка. Общественная потребность в потомках Иисуса, по-видимому, наличествует. По следам той «сенсации» несколько лет назад был написан роман под названием «Святая кровь. Святой Гра-

аль», в котором сообщалось, что от этого ребенка произошел царский род Меровингов, за отпрысками которого на протяжении веков охотился Ватикан. Однако этот род выжил благодаря опеке тамплиеров и тайного ордена «Отцов Сиона», который в разные периоды возглавляли Леонардо да Винчи, Виктор Гюго и Жан Кокто. Авторы этого романа – Байджент, Линкольн и Лей.

Я почти уверен, что это не последнее слово в развитии этого на наших глазах сфабрикованного мифа. Как бы это дико ни звучало, но между находкой рукописи и ее выдумкой разница иногда бывает трудно уловима.

«Случайно обнаруженная рукопись может перевернуть мир...» – вспомнил я слова Пинхаса, когда мы вышли.

Что? – переспросила Сарит, она шла рядом и против обыкновения как-то мечтательно молчала.

Да так, ничего, – я понял, что произнес эти слова вслух. И снова погрузился в раздумья.

– Какой яркий человек! – прервала мои мысли Сарит. – С ним как будто отрываешься от земли. Чувствуешь, что мир полон тайн и загадок.

– Я сам давно им восхищаюсь.

– Жалко, что Андрей не смог прийти...

Я проводил Сарит до ее автобуса.

– Не забывай. Звони, – улыбнулась мне Сарит при прощании.

– Конечно, – ответил я. – Обязательно позвоню.

1990

Но я так и не позвонил. Закрутился. Старался разделаться перед армией со всеми делами, и это при том, что до последнего момента продолжал учебу в йешиве...

Призывался я через два дня после Пурима, который закономерно обернулся моими проводами. После всех безумных выходов, принятых в эту ночь в йешивах, мы с друзьями разукрасили себе лица и отправились в центр Иерусалима, где веселье продолжилось до утра.

Улицы были запружены ряжеными, толпившимися вокруг фокусников и жонглеров. Все веселились кто во что горазд.

В какой-то момент я заметил двух тщедушных подростков, довольно развязно пристающих к группе парней. Один из них, рыжий, лохматый, в джинсах и короткой куртке, из-под которой выбивалась рубаша, что-то вызывающе кричал окружающим его молодым людям, другой, явный выходец из восточных стран, строил им рожи. Цицит на них не было, но на головах красовались огромные вязаные кипы.

Не будь это ночь Пурима, когда вид пьяного подростка – самая обыкновенная картина в центре израильской столицы, я бы подумал, что эти молокососы напрашиваются на неприятности.

– Хорошо, дурачье, слушайте: бутылка пива тому, кто скажет, в кого я сегодня нарядился! – кричал рыжий.

Он извлек из кармана бутылку «Голда» и стал ею размахивать.

– В религиозного фанатика, что ли? – с усмешкой спросил один из парней.

– Чушь... – расхохотался подросток, и вдруг, заметив меня, пришел в сильное возбуждение.

– Вот он точно скажет, в кого я сегодня нарядился. Ведь он гуру, – закричал он, тыча пальцем в нацепленный на мою голову индусский тюрбан.

– Если ты не атеист, переодевшийся в религиозного фанатика, то, значит, ты религиозный фанатик, переодевшийся в атеиста.

– Это еще почему?

– Потому что на тебе кипа, но нет цицит. Ты либо забыл что-то надеть, либо забыл что-то снять.

– Ты разочаровал меня, гуру, но стакан пива я тебе все же налью.

– В честь чего это такая щедрость?

– В честь старой дружбы...

Я стал приглядываться. Лицо паренька показалось мне вдруг очень знакомым. Он же хохотал, явно наслаждаясь моим замешательством.

Немая сцена длилась недолго. Паренек поднял руку, потянул себя за волосы... и в следующий миг передо мной предстала Сарит с копной своих роскошных черных волос и с рыжим париком в руке! Стоящие вокруг парни покатались со смеху.

– Знакомься, Ури, это Хана, моя подруга из Тверии! – и восточного вида подросток ослепительно улыбнулся.

– А это, Хана, тот самый Ури с тремпиады. Ну что, Ури, пойдём с нами?

– Да не могу, я тут с друзьями.

– Жаль! Тогда мы пошли, – и они побежали, хохоча, дальше, на поиски новых жертв.

– А как же пиво? – крикнул я им вслед, но они уже были далеко. А я даже не успел рассказать Сарит, что уже послезавтра ухожу в армию...

Первые месяцы службы в армии было нелегко. Я возвращался домой по субботам два раза в месяц; был еле живой от усталости и потихоньку приходил в себя. Первый раз меня отпустили на несколько дней только на Шавуот.

Окончив курс молодого бойца, я приступил к службе. Поначалу меня направили в Самарию, где в основном приходилось заниматься отловом арабских подростков, забрасывавших камнями израильские автомобили, или разгонять толпы беснующихся арабов в самих палестинских городах.

Дети невольно вызывали жалость, но жертвы их «шалостей» были самые настоящие, и подавлять сантименты по отношению к ним мне в общем-то удавалось. Чего нельзя было сказать об одном моем боевом товарище – Рувене. Он во всем винил поселенцев и считал, что арабские дети на «оккупацию» реагируют совершенно адекватно.

– Аморально владеть другим народом, – повторял Рувен по каждому случаю. – Мы должны поделить эту землю с палестинцами.

– Если бы сами палестинцы этого хотели, я бы тоже не возражал с ними поделиться, – отвечал я. – Во всяком случае, автономию бы им точно предоставил. Но беда в том, что они не собираются делить с нами землю, они собираются забрать все. И открыто об этом говорят.

– Это они пока так говорят.

– Вот когда они закончат так говорить – тогда и делись. А пока кончай свое нытье.

Мы оба – каждый по своей причине – рвались в Ливан, где шла настоящая война с Хизбаллой, и в конце концов сумели добиться этого перевода.

Между тем пока мы еще служили в Самарии, произошла история, имеющее прямое отношение к излагаемым здесь событиям.

1991

В самом начале 1991 года, за несколько дней до начала войны в Персидском заливе, с утра по радио сообщили о теракте. Возле самого сектора Газа террорист угнал автобус и, мчась по шоссе, совершил три столкновения с легковыми машинами израильтян. Имелись погибшие. Террорист был застрелен солдатом-резервистом.

Мне невольно вспомнилось происшествие на перекрестке Адам.

– Наверно, тот араб в красном «Мерседесе» и в самом деле возвратился не ради кого-то из нас, а ради всех, – подумал я. – Просто решил не упускать такую отличную возможность задавить евреев, и развернулся...

В тот день мы, как обычно, патрулировали улицы Рамаллы. В какой-то момент нас вызвали по рации в центр города, где арабы забрасывали камнями израильские машины.

– Кому это надо?! – ворчал Рувен. – Стекла у всех поселенческих машин защищенные. Никакого вреда от этих камней нет.

– Никакого?! – возмутился я. – Это от маленьких камней может быть никакого, а от больших очень даже большой. Да и кроме того, это ведь они только начинают с камней, а кончают бутылками с зажигательной смесью... Ты что забыл, как в этом месте горела машины с поселенцами...

Рувен неприязненно поморщился.

Мы увидели группу камнеметателей издали. Водитель подал джип назад и выехал переулками им в спину. Завидев нас, арабы бросились врассыпную, но одного мы все же догнали и повезли в полицию, располагавшуюся поблизости.

Задержанному нами пареньку было на вид лет четырнадцать, он был слегка испуган: твердил, что никаких камней не кидал и подобострастно улыбался.

– Надо же, какие вы дружелюбные делаетесь, когда никому навредить не можете... – усмехнулся я.

Пока Рувен и еще один солдат провели задержанного подростка внутрь, я оставался в джипе. Слушал новости. Одной из погибших в сегодняшнем теракте была двадцатилетняя девушка: ехала что-то купить на бар-мицву своего племянника...

Во время метеосводки дверь полицейского участка открылась и из нее вывели еще одного араба в наручниках. Когда он поравнялся со мной, я узнал в арестованном... Халеда.

Я немедленно выскочил наружу.

– Секунду! – крикнул я, обращаясь к конвоиру. – Мне нужно его кое о чем расспросить...

Я смотрел на Халеда, он выглядел растерянным и уставшим.

– Вы что, знакомы? – хмуро спросил полицейский.

– Да.

– Спрашивай, но побыстрей.

– Почему ты здесь, Халед? Что случилось?

– Ури, это ошибка. Меня отпускают. Вот увидишь.

Вдруг я припомнил, что не так давно видел в толпе блокирующих улицу арабов лицо, похожее на лицо Халеда. Мы вели наблюдение из квартиры одного высотного здания, и я достаточно ясно рассмотрел его в бинокль. Тогда я подумал, что это просто сходство, но теперь заколебался.

– Скажи-ка лучше вот что, – сказал я. – Я мог видеть тебя на перекрестке Айош месяц назад во время беспорядков?

– Мог, – несколько смутившись, признался Халед.

– И что ты там делал?

– Ури, о чем ты спрашиваешь, я же живу в Рамалле...

Я с сомнением покачал головой.

После того как Халеда увели, я немедленно вошел в участок и стал наводить справки.

– За что был задержан Халед? – спросил я у дежурного. – Ну этот араб, которого только что вывели?

– Откуда мне знать. Его привезли из тюрьмы Офер для допроса...

– Кто его следователь?

– Зачем тебе?

– Я знаком с этим арабом, хочу знать, что произошло.

Дежурный куда-то позвонил. Потом на пять минут вышел, потом опять куда-то позвонил и, наконец, дал телефон, по которому мне ответили, что понятия ни о чем не имеют.

Если б я знал хотя бы его фамилию, мог бы официально навести справки, но этой «мелочью» я в свое время не поинтересовался и теперь ничего не смог выяснить.

Через неделю после этой встречи началась война в Персидском заливе, отозвавшаяся множественными ракетными обстрелами Израиля, а еще через месяц, вскоре после окончания этой войны, меня, наконец, отправили в Ливан.

Я очень радовался этому переводу. И дело было не только в том, что в Ливане мы противостояли не подросткам с камнями, а хорошо вооруженному и обученному противнику. Радовало также и то, что здесь мы были не одиноки, что местные жители – христиане-марониты – были нашими союзниками и бок о бок сражались с нами.

Не обошлось без семейной драмы. Я надеялся, что перевод этот вообще удастся утаить от родителей, но брат Давид, которому я похвастался, что отправляюсь на «настоящую войну», проболтался.

Родители вызвали меня к себе в комнату и взволнованно стали перечислять все преимущества службы в Самарии, напоирая на близость к дому и важность миссии.

– Уверю тебя, в Рамалле достаточно опасно... – нервно теребя руки, выдавила, наконец, из себя мама. – И с ножами на вас бросаются, и бутылки Молотова в вас кидают...

Я обнял маму.

– Мамочка! Все будет хорошо... Везде одинаково опасно... Да и вопрос этот уже решен.

– Что ж, Юрочка, мы знали, куда ехали...

– Вот именно! – обрадовался папа. – Мы знали, куда ехали.. Пусть себе служит, где хочет...

Через три месяца неожиданно позвонил Халед. Мы встретились во время моего отпуска в Иерусалиме, там же, где и в первый раз – на площади Цион.

Халед держался бодро и как-то сразу смог убедить меня, что был арестован по ошибке. Лучшим доказательством тому служила его свобода и школьный микроавтобус, на котором Халед беспрепятственно разъезжал и даже подбросил меня до дома.

– Слушай, – сказал я на прощание, – а ты не скажешь мне свою фамилию? Может, я когда и помочь смогу, справки навести, передачку принести...

– Эль-Масри моя фамилия. Халед Эль-Масри.

Осенью приехал Андрей. На этот раз он был полон решимости отыскать свою рукопись и действительно звал меня к его поиску присоединиться.

Но я как раз перед его приездом был в недельном увольнении. К тому же мне все больше казалось, что «древняя рукопись» – плод воображения Андрея, и ради турпохода по Иудейской

пустыне я не собирался отпрашиваться у командования, симулировать болезнь или выдумывать легенды.

Я увиделся с ним лишь один раз у Фридманов – заскочил в пятницу по дороге домой.

Несмотря на ежедневные упорные поиски, рукописи он, конечно, не нашел, и я, желая только утешить его, намекнул на свою версию – дескать, мог и ошибиться – не расстраивайся. Но Андрей и слышать не хотел о том, что его драгоценная рукопись ему почудилась.

Фридманы не отпускали меня – считали своей обязанностью накормить голодного солдата. За столом Андрей рассказывал о событиях в Москве, о ГКЧП и неудавшемся перевороте.

– Вам, Андрей, считайте, повезло, – говорил Зеэв, – вы оказались участником исторического события. Как говорится, «Блажен, кто посетил сей мир...»

– Да, впечатление незабываемое. Миллионная масса народа – в едином протесте... Да и символика удивительная: советские войска оккупируют Российскую столицу, словно столицу Чехословакии... и на ваших глазах превращаются в армию Российскую!

– Чуть не забыл! – воскликнул Андрей, когда я наконец собрался уходить. – Я, представляешь, где-то полгода назад отнес в стирку пиджак и не заметил, что в кармане была записная книжка. Все номера пропали.

– Ты мне уже рассказывал. Забыл? Когда я тебе два месяца назад звонил, ты мой телефон заново записал. А если бы не тот мой звонок, ты б меня вообще потерял?

– Вот, вот. А теперь мне нужен номер Сарит.

– Хорошо. Поищу. Он дома где-то.

Но дома Саритино телефона я не обнаружил. Он был записан на том самом розовом листочке, который Сарит дала мне в больнице, но он исчез...

– Вот и пообещал звонить... – с досадой пробормотал я, вспоминая наставление Гемары о том, что к слову, данному женщине, следует относиться более педантично, нежели к слову, данному мужчине.

Пришлось звонить Фридманам.

– Ну как же так?! – расстроился Андрей, – поищи получше.

– Я хорошо искал. Скорее всего, это мама выбросила.

– Неужели ты не знаешь, как ее разыскать? Не знаешь, где она живет, где училась?

– Не знаю. Она говорила, но я с этими светскими школами не знаком, название напрочь вылетело из головы.

– И не можешь вспомнить? – не сдавался Андрей.

– И под гипнозом не вспомню... Увы. К тому же она, скорее всего, сейчас в армии.

– Действительно! Как я не подумал... – Андрей почти сразу успокоился. – Что ж, подождем.

Оставшиеся до отъезда дни Андрей целиком потратил на продолжение своих безнадежных блужданий по пещерам в районе Йерихона. При нашем прощальном телефонном разговоре я еще раз попытался охладить его поисковый пыл другими доводами:

– Если в тот момент, когда ты нашел рукопись, тебя видели бедуины... уверяю тебя, они в той пещере побывали и все ценное давно забрали. Не забывай, что кто-то попытался тебя на другой день убить...

– Зачем же меня было убивать, если они уже забрали рукопись?

– Мало ли зачем? Да хоть чтобы избежать проблем со стороны полиции. Это ведь уголовное дело, укрывать ценные археологические находки.

– Может, ты и прав, – задумался Андрей. – Находка моя вполне могла оказаться очень ценной. Впрочем, я все равно того места не нашел...

Так мы и распрощались. Я к рукописи был уже совсем равнодушен. Да и Андрея почти убедил – по крайней мере, озадачил...

Я и представить себе не мог, как серьезно я тогда ошибался.

1993

Я демобилизовался в марте 1993 года. За время моей службы в Израиле сменилась власть. На выборах летом 1992 года победил Ицхак Рабин.

Долгие пятнадцать лет левые были отлучены от власти, и первым делом Рабин пожелал провести ревизию проводившейся за это время поселенческой политики. Уже не только в газетах и на телевидении, а с высоких правительственных и парламентских трибун началось каждодневное шельмование тех, кто заселял и осваивал территории Иудеи и Самарии, освобожденные Израилем в 1967 году.

В ту пору я совершенно не опасался Рабина. Все его заявления о Голанах и о «территориях» я воспринимал лишь как желание задеть и оскорбить своих политических оппонентов. Я не думал, что он сможет реально что-то разрушить. Арабы, как всегда, не позволят ему этого сделать, не раздумывая оттолкнут протянутую руку... Так я думал тогда.

Демобилизовавшиеся израильские солдаты обыкновенно разлетаются по всему свету: на пару месяцев, на полгода или даже на год отправляются в Латинскую Америку, в Европу, Индию или Африку. Несколько раз мне предлагали ехать вместе, но я ни о чем таком даже и слушать не хотел. Не в Америку мне надо было, не в Лондон, Рио и не на Гоа. Мне надо было в Москву.

Долгие годы я жил безо всякой надежды побывать в родном дворе. Когда же такая возможность представилась, я сперва учился в йешиве, а потом ушел в армию. Теперь время, наконец, пришло: в конце апреля я вылетел в Москву.

Узнав о моем приезде, школьные друзья организовали встречу в чьей-то большой квартире на Ленинском проспекте. Пришло больше половины класса. Было странно видеть столько лиц из своего детства внезапно повзрослевшими.

Дяди и тети, которые когда-то были моими невинными советскими одноклассниками, очень много пили, очень громко смеялись, говорили сальности. И с каким-то ожесточением вели самые скучные разговоры – когда они заканчивались, наступала минутная глухая тишина, в течение которой все ерзали, потом кто-то рассказывал анекдот, и тогда скучные разговоры шли по второму кругу. Я даже не в состоянии точно назвать тему, вокруг которой все время крутилась наша беседа. Если отступали от общих детских воспоминаний, то либо в сторону половой, либо в сторону экономической жизни. Сергей Егоров выглядел единственным, которому было интересно что-то кроме этого.

Он был одним из моих ближайших детских друзей. Мы лепили из пластилина армии и города и устраивали грандиозные сражения с использованием катапульти. Снаряды – шарики, обильно начиненные головками от спичек, – горели, безжалостно расплавляя пластилиновых бойцов противника и оставляя после себя ужасную вонь. На вонь сбегались родители, и нам здорово влетало.

Теперь же оказалось, что Сергей проявлял живой интерес к религии. Он сказал, что принадлежит к православной церкви, но в то же время взглядов придерживается самых широких. Интересовался он и жизнью в Израиле. В какой-то момент он вытащил меня на лестничную клетку покурить.

– Ну, как там ваши оккупированные территории? Говорят, что заселение проходит успешно?

– Если бы так, – горестно заметил я, поморщившись от слова «оккупированные» (за этим словом хорошо слышалась антиизраильская пропаганда, мы называли территории «освобожденными» или «контролируемыми»). – Приехали чуть ли не миллион человек, а расселились все на той же прибрежной полоске.

– А как же американские санкции? Они же наложены как раз из-за заселения территорий!..

– В этом-то и весь бред. Никто территорий репатриантами не заселял, ничего для них там никто не строил. В общем порядке кто пожелает, селиться может, но проектов по заселению не существует...

И дальше я выплеснул все, что было на сердце. Что мол лучше бы Америка числилась в открытых врагах Израиля, чем в таких «друзьях», которые только подножки ставят.

– Да ладно! Брось! Вы селитесь на оккупированных территориях совершенно незаконно. И чего же вы при этом хотите? Чтобы вас на руках качали? Здесь закономерно все. И не только США – все вас за это осуждают.

– Мы селимся в Иудее и Самарии совершенно законно. Во-первых, по мандату Библии, а во-вторых, по Британскому мандату.

– Вспомнил про Британский мандат! Какое он к вам имеет отношение?

– Имеет некоторое. По завершению этого мандата должно было быть образовано два государства – еврейское и палестинское. Арабские страны отказались признавать это решение ООН, напали на Израиль, однако не смогли его уничтожить и согласились на прекращение огня. Предназначенными под Палестинское государство территориями – Иудеей и Самарией, тем временем, овладела Иордания. Причем, заметь, никто никогда от нее не требовал прекратить оккупацию и предоставить независимость Палестине. В 1967 году Израиль занял Иудею и Самарию, но третья страна, которая занимает оккупированную территорию, во-первых сама не считается оккупантом, а во-вторых автоматически получает мандат предшествующего правления, в нашем случае Британского. Вот и выходит, что Израиль фактически уполномочен на присутствие в Иудее и Самарии мандатом выданным Лигой Наций Великобритании. Я уже не говорю о том, что этот мандат был выдан Англии как раз для создания еврейского государства.

– Ловко сплел. Но если это и впрямь так, то почему все вас оккупантами почитают? – недоверчиво пробурчал Сергей.

– Тут все по Геббельсу: чем наглее вранье, тем охотнее в него верят.

В этот момент шумная компания затащила нас обратно за стол.

Выбравшись, наконец, на улицу, мы зашли в какой-то сквер и проболтали часа полтора, сидя на скамейке.

Сергей стал расспрашивать меня об иудаизме, какие в нем существуют направления и к какому из них я себя отношу? Я рассказал ему о «вязаных кипах», о религиозном сионизме, о раве Аврааме Ицхаке Куке, бывшем первом главным раввином Израиля еще в подмандатной Палестине, рассказал, что он считал светский сионизм частью процесса Избавления, а светская культура, по его учению, содержит в себе искры Божественного света.

Однако, уяснив, что при всей своей открытости религиозные сионисты не отказались ни от одного «еврейского обряда», Сергей впал в некоторое раздражение.

– Не могу поверить, что кто-то в наше время, – эти слова он произнес с особым ударением на слове «наше», – может всерьез относиться к ветхозаветным заповедям: не есть свинину и воображать, что этим он становится ближе к Богу!.. Ты хоть Новый завет-то читал? – скопился он на меня.

Нельзя сказать, что многие йешиботники могут похвалиться близким знакомством с христианскими источниками. Но в библиотеке моих родителей русская Библия присутствовала, и в свое время я действительно заглянул в «Новый завет».

– Читал, – честно ответил я.

– Ну и как впечатление?

– С некоторыми оговорками, положительное. Но только все, что там выдается за «новое», на самом деле хорошо забытое старое. Практически все поучения, приведенные в Евангелиях, я встречал в наших источниках.

– И заповедь подставлять вторую щеку?

– В книге пророка Иеремии «Эйха» сказано: «подставь бьющему щеку». Посмотри там в третьей главе... По-моему, в Евангелии просто собран и отражен тот моральный план, который общий и для иудеев, и для народов. Для христиан, точнее.

– А зачем какой-то другой план нужен, кроме этого общего, морального, очевидного для всех нормальных людей?

– Народам он, наверно, действительно не нужен. Тора дана только евреям, как народу – священнику.

– Господи ты Боже мой! Какой-то ты отсталый стал! Тора – это временный ограниченный закон, который Иисус Христос демонстративно нарушал.

– Не знаю, откуда ты это взял. Евангелия, во всяком случае, ни о каких нарушениях не сообщают... Почитай Флуссера.

– Ну как же не сообщают? Иисус исцелял в субботу, не омывал рук...

– Исцелять в субботу вовсе не запрещено! А обычай омовения рук перед будничной трапезой в качестве закона утвердился уже после разрушения Храма, то есть после 70 года новой эры. Да и как ищущий Бога еврей может не соблюдать Тору? Это же нонсенс.

Сергей молчал, как будто обдумывая мои слова, я решил, что он услышал меня, и, вдохновленный этим, стал говорить то, что не доверил бы первому встречному:

– В Торе скрыта тайна Всевышнего, Тора – это Божественная инженерия. Знал бы ты, с какой ревностью евреи постигают эту премудрость! В йешивах учатся по четырнадцать – шестнадцать часов в сутки, а ведь Гемара, если ее учить, как положено, со всеми комментариями – сложнее любой светской науки. Сам я, во всяком случае, ни с чем более сложным не сталкивался.

– Божественная инженерия, говоришь? – повторил за мной Сергей. Выражение это ему явно понравилось, но по какой-то странной ассоциации направило ход его мысли в совершенно другую сторону. Сергей начал рассказывать мне о карме и астральных телах.

Пора было уходить, но Сергей потащил меня в общежитие к своим друзьям, которых описал как университетскую группу ведущих интеллектуалов, опережающих свое время.

Все интеллектуалы оказались в сборе. В комнате, куда мы вошли, находилось человек десять, было страшно накурено, причем женщины курили, а мужчины терпели. Все бурно о чем-то спорили и нашего прихода не заметили, лишь двое вяло кивнули головами Сергею. Мы молча присели на кровать. Я прислушался, удивляясь тому, что совершенно перестал понимать русскую речь. Несколько раз прозвучало слово «примордиальная традиция».

В какой-то момент кудрявый молодой человек вытащил журнал, в котором печаталась книга «Царь мира» некоего Рене Генона, и стал делиться впечатлениями.

– Понятие «Царь мира» – это одно из самых «примордиальных» понятий, которое присутствует во всех древних религиях и культурах. К этому Царю восходят все традиции, причем в нем всегда отмечаются два аспекта – священнический и собственно царский; священнический аспект ассоциируется с мостом, высшим выражением которого служит радуга. Связь с центром осуществляется посредством глубинных пещер... – излагал молодой человек.

Многое в его докладе показалось мне интересным, однако вскоре я опять полностью потерял нить.

– Первозданная традиция – это структура, – заговорила сидевшая у окна милостивая блондинка с короткой стрижкой, когда кудрявый прервался для того, чтобы подтвердить свою мысль цитатой. – Во всех мифах повторяется одна и та же структура – она и является основой. Вот, например, Штайнер обращает внимание, что и Кришну, и Моисея, и Иисуса Христа властители стремились убить еще при их рождении. Это именно структура, которая сопровождает явления в этот мир Великих посвященных. И еще я вам скажу, что Пятое Евангелие Штайнера – это в собственном смысле слова примордиальное Евангелие...

Все разом переключились на Рудольфа Штайнера. Стали обсуждать какую-то его теорию...

– Иисус Христос – это последующая инкарнация Заратустры, – убежденно заверил парень в совершенно темных солнечных очках.

В ответ заговорили сразу несколько человек. Я вслушивался, но по-прежнему не очень понимал, о чем речь.

– Иисус – аватара Вишны. Вы читали о жизни Иисуса в Индии? Есть книга, в которой очень интересно говорится об общей этимологии слов «христос» и «кришна», – вставил мой сосед по дивану.

– Заратустра прошел множество других инкарнаций, прежде чем воплотился в Христа, – подтвердили с дивана напротив. – Все дело в том, что Иисус представлен не только древней душой Заратустры, но и свежей небесной душой... Иисусов двое...

Я бросил красноречивый взгляд на Сергея и кивнул головой на дверь. Сергей подмигнул мне и направился к выходу. Прикрыв дверь, я прошептал:

– Какие еще Вишны и Заратустры, Сергей? Этот Генон, не спорю, интересные вещи говорит, но какие еще два Иисуса? Куда ты меня привел? Какая-то квартира заговорщиков!..

– Извини, дорогой, – перебил меня Сергей, – но это все серьезные люди, занятые поиском истины! Истины, понимаешь! А не замшелой традиции. Это студенты лучшего в стране университета. А закрываться в какую-то одну религию как в скорлупу, – это признак легкомыслия и даже, извини, скудоумия.

Я тут же попрощался с Сергеем, сославшись на срочные дела, но расстались мы вполне дружелюбно.

На следующий день я был в гостях у Андрея. Он как-то возмужал, держался бодро. Во всяком случае я не видел в его взгляде той растерянности и тоски, которые подмечал иногда в Израиле.

Жил Андрей в Сокольниках в однокомнатной квартире добротного многоэтажного дома, по всей видимости, сталинских времен, с большим внутренним двором. Располагался дом у самого парка, недалеко от центрального входа.

Обустроился Андрей со вкусом: мебель была хоть и не антикварная, но старая, с историей, такую хотелось разглядывать – комоду, письменному столу, буфету и стульям на вид было лет по сто. По периметру комната была обставлена книжными шкафами и стеллажами, причем один стеллаж комнату перегораживал, деля ее на «приемную» и «кабинет», как возвышенно именовал два образовавшихся помещения Андрей.

Книги на этих стеллажах были самые разные: по философии, математике, биологии, но особенно много по истории. Художественная литература тоже присутствовала, но большинства не составляла. Имелись и какие-то старинные на вид книги, некоторые на английском и фран-

пузском языках, но большей частью церковные требники, которые, как выяснилось, Андрей собрал еще школьником, путешествуя по северным деревням.

Мы уселись на кухне пить чай.

– Ну, как тебе Москва?

– Трудно судить объективно. Москва – город моего детства...

– Уверяю тебя, москвичи мало изменились. Квартирный вопрос по-прежнему занимает их в первую очередь...

– Ну, а как ты? Кончил институт? Работаешь?

– Да... Я исследовательской деятельностью занимаюсь.

– Чем конкретно, если не секрет?

– Конкретно всем. Всем, что интересно. Но об этом потом. Ты рассказывай.

И я заговорил о своей службе, о минах, о замках крестоносцев, служащих укреплениями для нашей армии в Южном Ливане, о ситуации в Израиле, наконец, о последней встрече с Халедом.

– Ну, а как Сарит? Ты ее так и не разыскал?

– Как же я ее найду!..

– Как жалко! Неужели нет никакой возможности?

– В общем-то, нет. Но ты не бойся, Израиль – страна маленькая. У нас невозможно рано или поздно не столкнуться на улице.

Пока Андрей жарил картошку, я рассматривал его книги и на многих обнаружил экслибрис: «Андрей Безродин».

– Без каких таких родин? – удивился я, а вслух спросил: – Это что, фамилия твоя – Безродин?

– Она же и псевдоним.

– Какой еще псевдоним?

– Это моя настоящая фамилия, но если бы я родился каким-нибудь Ивановым или Романовым, я взял бы себе псевдоним Безродный. Но я родился Безродным, а от добра добра не ищут.

– Чего ж тут «доброе»? На самом роду нести клеймо безродности.

– А мне нравится. Безродин или Безродный – это значит критически относящийся к истокам, готовый всегда начинать все сначала. Словом, как Адам... У него ведь не было рода.

– Верно, – оживился я. – Но не фамилия все же красит человека, а наоборот... Тот же Пушкин, скажем. Не Бог ведь как звучит, какой-то Кошкин – Мышкин, Пистолеткин – Пулеметкин, но это не помешало ему занять исключительное место в русской литературе.

– Не скажи, иногда фамилия ведет диалог с судьбой человека. Например, Пугачев – он всех в России до смерти перепугал. Распутин был распутный и сбил Россию с пути, Козловский пел козлиным голосом, Похлебкин написал замечательные книги по кулинарии... А, Плисецкая? А, Малевич? А, Лобачевский? А, Скрябин? Да вот и Солженицын, кстати...

Андрей прервался и посмотрел на меня.

– Что еще Солженицын?

– Солженицын, говорю, эту особенность в «Архипелаге ГУЛАГе» отмечает. Он там пишет, что чекистов как будто по фамилиям на работу брали, и приводит немало имен. Помню следователя Скорохватава... Так вот я – Безродин, то есть потомственный экзистенциалист и самобытный мыслитель!

– Хорошо, ну а кто тогда выходит Ломоносов? Чемпион по боксу? Или Грибоедов?

Андрей начал что-то плести про дом Грибоедова и про то, как там славно кормились советские литераторы.

– А ведь и я, кстати, тоже собственную фамилию в псевдоним превратил! – сообразил я вдруг. – Из Черного сделался Шахар. В Израиле я зовусь Ури Шахар...

– Шахар – это вроде черный?
– Черный – это шахор, если быть точным. Но корень «ШХР» на иврите означает не только черноту, но и зарю – да, в первую очередь зарю.

Когда мы сели за стол, я заметил странную металлическую коробку с еще более странным содержимым. Что это была за необычная коллекция! Здесь лежали монеты. Но по какому принципу их отбирал нумизмат – угадать было совершенно невозможно. Здесь были старинные и, по всей видимости, весьма ценные монеты, давно вышедшие из употребления, среди которых выделялся внушительный медный пятак 18 века, а рядом с ним нагло лежала простонародная современная копейка, шиллинг соседствовал с российским четвертаком. Чего там только не было! Объединенные странной причудой коллекционера-демократа, благородные скудо терлись об обычную медь... Увидел я там и израильские монеты.

– Что это? – удивился я.

– О! – с достоинством ответил Андрей, – это очень необычная коллекция! Угадай, по какому принципу здесь собраны деньги!

– Без принципа! – заверил я Андрея.

– А вот и нет! – торжествуя сказал Андрей, – ответ неверный! Коллекционные монеты у меня в другом месте хранятся... А это – монеты памятные! Вон тут твои пять шекелей лежат, видишь? И старый шекель Сарит. Я у всех своих друзей прошу на память монету. Не важно какая, слежу только за тем, чтобы они не повторялись. Люблю вечерами перебирать эти денежки как скупой рыцарь.

– И сколько у тебя набралось?

– Пятьдесят восемь. Пятьдесят восемь друзей. Благодаря этой коллекции я всегда знаю число людей, запавших мне в душу, начиная ближайшими родственникам и кончая случайными знакомыми. И знаешь, откуда я взял эту идею?

– Неужто из Библии?

– Угадал, книга Исход, глава 30, там Бог подсчитывает численность еврейского народа посредством монет. Как Бог знал всех своих, так и я знаю всех своих. Но если задуматься, то ведь это в природе монеты заложено – представлять человека.

– В природе монеты? В ее природе, по-моему, прямо противоположное заложено! Деньги деформируют людские отношения. Кстати, сам подсчет с помощью полушекелей, жертвовавшихся на храм, производился по причине того, что монеты любят счет, а людей нельзя считать. Монета – это скорее символ обезличивания, чем личности.

– В первом приближении это так. Но тем почетней во втором приближении усмотреть в монете человеческие черты. Посуди сам. Монета всегда несет на себе герб, инициалы или профиль царя, то есть знаменует собой первичное человеческое свойство – суверенность. Кроме того, она носитель и образ универсальной ценности, то есть так же, как и человек, монета – это мера всех вещей. Ну и, наконец, монета – это самый широко распространенный малогабаритный круглый предмет, но круг – это символ бесконечности, а значит, и человека.

Таким примерно образом мы проболтали допоздна, и как-то само собой получилось, что я остался на ночь, а потом и вовсе переехал к Андрею (от малознакомой мне папиной кухни).

Через несколько дней я обнаружил, что Андрей вовсе не такой уж ревностный баптист, каким представлялся мне в Израиле. За эти дни к нему заглянули несколько человек: еврейского вида философ Гриша, которого Андрей представил как «блестящего специалиста по Пло-

тину»; назвавшийся «буддистом» хипповатый Глеб с огненно-рыжей подругой и, наконец, два соседа лет сорока: тренер по кик-боксингу Боб и профессор биохимии Тихон. Но ни одного евангелиста среди его гостей не оказалось. Как я понял, Андрей действительно бывал иногда в молитвенном доме баптистов, но особо близких отношений у него там ни с кем не сложилось.

Еще раньше я понял, что Андрей вовсе не такой уж преуспевающий научный сотрудник. Я расспросил его подробней и узнал, что институт он бросил сразу после поездки в Израиль (от армии ему удалось избавиться благодаря астме, которой он болел в детстве). Оказалось, что все, что он исследует, делается вовсе не в рамках институтского проекта, а исключительно «по свободному зову сердца».

Работал Андрей в охране. Пару раз в неделю, а то и реже, он стерег здесь же в лесопарке какой-то санаторий. Но основная статья его дохода состояла в дивидендах с какой-то роскошной квартиры в центре Москвы, оставшейся после бабушки. Доходы делились между Андреем и его братом. Андрей утверждал, что этих средств ему на жизнь хватает.

– Ну а что ж ты все-таки исследуешь? – спросил я его как-то раз.

Андрей подвел меня к полке, целиком уставленной папками, каждая из которых, по словам Андрея, представляла собой отдельный исследовательский проект. Я слегка испугался, но вида не подал и наугад вытянул одно «досье».

«Звездное небо как осмысленный текст», – прочитал я ошарашенно и, заглянув внутрь, обнаружил с десятков карт, на которых самым причудливым образом были обведены разные звезды.

– Как это прикажешь понимать?

– Пытаюсь выделить наиболее повторяющиеся «созвездия» правильной формы.

– Зачем?

– Некоторые чудаки ждут сигналов из космоса от братьев по разуму. Ну, а я больше верю в Отца по разуму. Подумай, как бы Он мог не зашифровать в наблюдаемой нами картине звездного неба какое-нибудь послание?

Шизофрения! – промелькнула у меня в голове страшная догадка.

– Разве не чем-то близким занимается астрология? – дружелюбно заметил Андрей, от которого не ускользнул мой испуг. – И разве не это самое предположила астрофизика, сформулировав антропный принцип? Поверь, вполне естественно отнестись к карте звездного неба как к криптограмме. Во всяком случае, мы обязаны это проверить.

– Ну, если только проверить... – пробормотал я и, вернув карты на место, вытянул другую – одну из наиболее пухлых папок. Надпись гласила: «Дихотомическая стандартная теория».

– Не верю я в эти кварки. Я пытаюсь все свести к классическому бинарному началу: свет и тьма, – кратко прокомментировал Андрей, наблюдая за тем, как я уперся в лист, испещренный какими-то схемами и математическими преобразованиями.

– Откуда ты так математику знаешь? Ты же историк.

– Всегда интересовался. В Малом Мехмате учился.

Поставив папку на место, я взял другую, в которой оказалось много журнальных вырезок с фотографиями.

– Здесь подобраны материалы по Туринской плащанице, – пояснил Андрей. – Я несколько гипотез проверяю или, точнее, пытаюсь их отвести.

– А это что? – спросил я, вытянув папку, на которой была наклеена какая-то странная гравюра.

– Ну это как раз не исследование, это просто ксерокопия манускрипта Войнича.

– Что это за манускрипт?

– Неизвестные буквы неизвестного языка. Установлено лишь, что это осмысленный текст. Существуют лингвистические критерии, позволяющие это утверждать. Но никто до сих пор не смог его расшифровать! При всех современных возможностях, при всех современных

знаниях! Никто! Я, конечно, всерьез не рассчитываю это сделать. Тут надо быть лингвистом, нужно знать десятки языков. Но рассматривать эти страницы могу часами. Эти загадочные буквы, эти странные детские рисунки... Душа просто куда-то улетает.

Я вспомнил, как пару дней назад, лежа в постели, я сквозь дрему видел, что Андрей зажег свечи и над чем-то склонился. Видимо, это был манускрипт...

Я просмотрел еще несколько папок: в некоторых были математические вычисления, в некоторых таблицы с датами. Поначалу мне показалось все это довольно странным и несерьезным. Но в первую очередь странным.

– Как можно быть специалистом во всем? Какая может быть наука вне академического мира? – спросил я Андрея.

– А по-моему, только такая наука и бывает. Настоящий ученый – всегда кустарь.

Этот ответ еще более усилил мои сомнения в доброкачественности научных занятий моего друга. Я всегда испытывал неприязнь к дилетантству, и было досадно, что Андрей, поначалу показавшийся мне ищущим и основательным, на деле был человеком этой породы. Похоже, что его фантазии на тему древних рукописей в районе Мертвого моря не были чем-то случайным, чем-то спровоцированным стрессом и сотрясением мозга, а вытекали из его общего характера, из пристрастия к поверхностной «научной деятельности».

Я скептически пожал плечами.

– Настоящий ученый всегда кустарь? Это, мягко говоря, как бы это сказать... оригинально.

– А что говорил Эйнштейн, ты знаешь? Он говорил, что идеальная работа для ученого – это надзирать за маяком. Это Эйнштейн сказал. Не Геккельбери Финн, не Портос. Эйнштейн!.. А я почти на такую самую работу устроился. Я это и родителям своим объясняю.

– А они что?

– А что они могут сказать? Они говорят: все лучше, чем пить. Довольны мною, короче.

Андрей потянул меня на кухню и, извлекая из буфета стаканы в мельхиоровых подставках, сказал:

– Я тебе рассказывал, что поехал тогда в Израиль отчасти для того, чтобы развеяться. Ну, то есть, для того, чтобы отвлечься от одной особы?

– И, как я вижу, поездка тебе действительно пошла на пользу. Ты в лучшую сторону изменился. Бодро выглядишь.

– Но все же по-настоящему помогла не поездка... Видишь ли, я и по приезде в Россию иногда очень страдал. Любая радость была мучительна, потому что я не мог разделить ее с ней... До конца никакие молитвы не помогали, никакие впечатления. Жизнь моя была совершенно отравлена... Такое чувство, как будто в душе твоей дырку проели... Словом, «и понял я, что горше смерти женщина»...

– Так как же ты исцелился? Ты действительно другой стал, – заинтересовался я.

– Ты не поверишь... Я случайно узнал, что всякое четное число является суммой двух простых чисел, то есть тех, что делятся только на самих себя...

Связь между этими двумя фактами – неизлечимой любовью и четными числами – была такой невероятной и неожиданной, что я едва не охнул от такого сюрприза, инстинктивно посмотрел сперва на дверь, высчитывая пути бегства, а потом с опаской на Андрея, в чьей голове такая связь стала возможной. Но виду не подал.

– Неужели? – сказал я, стараясь не улыбаться и не моргать. – Давай посмотрим, например, 36...

– 36 можно представить как сумму 13 и 23, как 17 и 19 или еще как-нибудь.

Я задумался, выходило вроде все правильно.

– И что, так действительно любое четное число раскладывается?

– В том-то и дело, что это экспериментально так установлено, но никто не доказал. Как это выходит из природы самих чисел никому не известно.

– Ну, хорошо. И какая связь с любовью? – осторожно сказал я, на всякий случай широко и дружелюбно улыбаясь.

– Меня, понимаешь, это так поразило, так заинтриговало, что я все на свете позабыл... Я стал проверять, составлять таблицы.. Ну что мы вообще знаем о числах, если не понимаем природы связи простых чисел с четными? Где формула этого чуда? Как все это подстраивается? Все показалось мне тогда таким загадочным, как будто я к тайне мира напрямую приблизился, минуя ту мою сказочную девушку. Тогда я впервые и почувствовал, что знание – это такая же могущественная захватывающая сила, как и любовь... В тот момент, поверь, я впервые за эти годы стал самодостаточен, впервые смог ликовать и поражаться, не отравляясь сознанием, что лишен возможности делиться этими чувствами с ней. С той минуты меня как будто прорвало, я повсюду вижу загадки и загораюсь желанием их разрешить...

– Многим, наверно, знакомо это изумление, – согласился я, но как это мешает учебе в институте?

– Ах, университет, – усмехнулся Андрей. – Я понимаю, конечно. Сейчас высшее образование – это что-то вроде того, чем когда-то было римское гражданство. С дипломом, тем более со степенью, ты повсюду встречаешь уважительное отношение. Ты – человек с большой буквы... Но мне на все это времени жалко.

– Недавно я слышал по радио передачу о теореме Ферма, – вспомнил я вдруг. – В ней рассказали историю прямо такую, как у тебя случилась. Один состоятельный человек по имени Пауль Вольскель захотел покончить с собой из-за несчастной любви, он уже приступил к последним этапам своего замысла: то ли прощальное письмо пошел писать, то ли пистолет заряжать. Не помню. Но вот перед самым роковым этим шагом он вошел в свою библиотеку взял случайно с полки одну из книг, в которой как раз про теорему Ферма говорилось, и так увлекся задачей, что обо всем забыл. Теоремы он так и не доказал, но жив остался. Кстати, он так загорелся желанием найти решение, что назначил премию тому, кто теорему эту докажет. В той передаче говорилось, что учрежденная им комиссия рассмотрела сотни, если не тысячи решений, которые были признаны неверными. И вот как раз сейчас, представляешь, один математик заявил, что доказал теорему и обратился в эту комиссию. Но я так и не понял, приняла ли комиссия его доказательство.

– Неужели доказал? У меня, лично, эта теорема не очень продвигается.

– Ты и ее пытаешься?... – улыбнулся я. – Ну а как, кстати, с этими четными числами? Тебе удалось что-нибудь выяснить?

– Это один из вопросов, над которыми я продолжаю биться. Пока результатов нет.

– А вообще какие-то успехи бывали?

– Смотря что понимать под успехом.

– Ну хорошо, а что ты вчера ночью вычислял?

– А! – обрадовался Андрей. – Это очень интересное исследование, я назвал его «Научная эсхатология».

– Эсхатология? Это что-то про конец света? Высчитываешь, когда солнце погаснет, что ли?

– Нет, так далеко я не заглядываю... Но по моим расчетам, что-то не менее знаменательное стрясется гораздо раньше, между 2030 и 2400 годами... Я, видишь ли, ищу нулевое время, точку «омега», к которым стремится история. Ты, наверно, обращал внимание на то, что темпы прогресса все время ускоряются?

– Ну, обращал. Это, по-моему, ясно всем.

– Так вот, я заметил, что ускорение это нарастает порядками. Иначе говоря, историю надо мерить, как мерят силу землетрясения по шкале Рихтера или как кислотность по pH.

Причем это касается не только технического прогресса, но и биологической эволюции. Кстати, как иудаизм к теории эволюции относится?

– Некоторые отрицают, но рав Кук воспринимал ее очень положительно. Он говорил, что благодаря Дарвину человечество приняло Божественную идею развития.

– Ясно. Так вот, на смену биологической эволюции, завершившейся возникновением человека, приходит культурный и технический прогресс, ускоряющийся в той же прогрессии.

– Подожди, что значит «в той же прогрессии»? Как можно измерять эволюцию и технический прогресс в одних и тех же единицах?

– Я тебе сейчас все покажу.

Андрей подошел к шкафу, вытащил оттуда папку, раскрыл свои таблицы и графики, исписанные разными датами, и выбрал какой-то лист.

– Вот смотри, по оси X у нас течет время, а по оси Y растет прогресс. Функция, как говорится, элементарная: $Y = 1/X$. Вот эта ветвь гиперболы, которая еле-еле ползет по координате X , – эволюция, а эта, которая взлетает вверх по координате Y , – технический прогресс.

– Что за вздор?! – я уже не боялся, что Андрей безумец, и потому, когда его «заносило», я выражал свое удивление вполне открыто. – Как можно представить в виде одной функции два совершенно разных процесса, основывающихся на совершенно разных принципах?

– Ну почему же на разных? Оба эти процесса делают живое существо более автономным. Биологическая жизнь и разумная жизнь в рамках действующих законов природы добиваются от этой природы все большей и большей независимости. Эволюция органов и прогресс орудий в конечном счете ведут к одной и той же цели – к наращиванию автономности, свободы.

– Допустим, но как ты ее измеряешь – эту автономность?

– По числу функций, присущих живому существу... Прогрессивное нарастание автономности, начавшееся в форме биологической эволюции, продолжается в виде технического прогресса, и все это представляет собой гиперболу. Это грубый график, а вот на этом графике более подробно видно.

Андрей вытащил из папки другой лист.

– Тут я попробовал представить это в виде экспоненты. Я так и не решил, какая из функций – гипербола или экспонента – более точно описывают ускорение темпов прогресса.

– Но я вижу тут у тебя прямую линию...

– Это потому, что ось X у меня логарифмическая – тут отложено время назад вглубь веков по степеням – 10, 100, 1000, 10000 лет назад и так далее. А по оси Y – прибавление степеней свободы. Вот взгляни на узловые точки: после того как зарождаются первые аэробные микроорганизмы, то есть закладывается основа обменных процессов всех ныне обитающих живых существ проходит приблизительно 2,5 миллиарда лет, и появляются первые теплокровные животные – цинодонты, предки млекопитающих и птиц. После того проходит 250 миллионов лет и возникают человекообразные обезьяны, через 25 миллионов лет после этого появляется *Homo habilis* – человек умелый, то есть первое существо, изготавливавшее и использовавшее каменные орудия, а через 2,5 миллионов лет после него возникает, наконец, *Homo sapiens*. Получается $Y = 2,5 \cdot 10^X$.

– Интересно, – согласился я. – Ну а технический прогресс?

– Технический прогресс обходится без коэффициента... то есть коэффициент «единица». Смотри. Использование огня началось чуть более миллиона лет назад – скажем, миллион сто тысяч. Примем это за исток истории... С того момента на протяжении миллиона лет человек лишь совершенствовал свою речь и свои каменные орудия... В период пятизначного порядка, то есть в последующие сто тысяч лет, возникают первые признаки того, что можно назвать культом, или культурой, то есть появляются изображения, захоронения, человек научается добывать огонь. В период четвертого порядка, то есть в последующие десять тысяч лет,

был совершен главный цивилизационный прорыв: началось земледелие, приручение животных, мореплавание, гончарное дело, были изобретены лук, календари, письменность.

– И когда же эти десять тысяч лет начались?

– Примерно одиннадцать тысяч лет назад. Именно тогда зародились земледелие и скотоводство и именно тогда был построен первый в истории город – Йерихон. Но самое интересное это, конечно же, третья, вторая и первая степени прогресса, то есть последнее тысячелетие, последнее столетие и последнее десятилетие...

– Ну и когда же, по-твоему, это последнее десятилетие кончается? Где твоя точка «омега»?

– Я несколько вариантов рассматриваю разбросом приблизительно в триста лет... То есть, как я уже сказал, эта точка затаилась где-то между 2030 и 2400 годом.

– Ого! – впечатлился я. – Так мы, выходит, на финишной прямой!

– Верно. Когда я смотрю на эти цифры, то иногда чувствую себя мухой, к которой стремительно приближается вчетверо сложенный журнал «Здоровье»...

– И чем ты в своих расчетах руководишься? Чем последний век и последнее тысячелетие примечательны?

– Видишь ли, если последние десять тысяч лет были отмечены взрывом религиозных учений, то последним тысячелетием должно быть то тысячелетие, которое характеризуется высвобождением от их влияния. Последнее тысячелетие – это тысячелетие секуляризации.

– Я лично не чувствую, что сколько-нибудь освободился от влияния религии, и знаю множество людей, для которых религия столь же важна, как и для их отцов тысячелетия назад.

– Я неточно выразился. Я имел в виду освобождение не от самих религий, а от их назойливой опеки... К тому же ясно, что секулярное сознание зародилось именно в недрах религии, в недрах христианства.

– Ну и когда это, по-твоему, случилось?

– Новое нетрадиционное сознание возникает в эпоху Возрождения. Это Данте, это конец XIII века. Прибавь 1110 и получишь приблизительно 2400 год. Но можно начать отсчитывать и со схоластики, выработавшей новый рационалистический подход, то есть от Ансельма Кентерберийского, жившего в XI веке, и соответственно точка «омега» переместится на 2200 год. Так получается, если плясать от начала тысячелетия. Если же попытаться произвести отсчет от последнего столетия, которое естественно отождествить с веком экзистенциальной философии, то точка омега придется на 2030 год. Ведь экзистенциализм овладел умами людей в 20-х годах XX века... Тогда, правда, начало тысячелетия придется отодвинуть к 20–40-м годам X века. Но это допустимо. Ведь в то время жил первый еврейский философ Саадия Гаон, а обновление христианской схоластической мысли предопределили именно философские искания евреев и мусульман.

– Допустим, – согласился я. – Но что практически ожидается? По графику твоему так все выглядит, как будто бы история нашей планеты стремится к какому-то катастрофическому финалу.

– Это по гиперболическому сценарию. У гиперболы действительно есть точка, в которой мы проваливаемся в какую-то черную дыру. Хорошо, что настоящая черная дыра нам в ближайшем будущем не грозит, хотя кто знает, до чего наука может доиграться такими темпами. Но без небольшой ядерной заварушки, боюсь, уже не обойтись. Это даже по одним только законам жанра так выходит: если на стене висит ядерная боеголовка, то, значит, она когда-нибудь взорвется. Так что нам остается только надеяться, что прогресс ускоряется не по гиперболе, а по экспоненте.

– И что, по-твоему, в случае экспоненты нас ждет в точке «омега»?

– Сейчас объясню. Еще сто лет назад главной ударной силой служила кавалерия, как это было и во времена фараонов. А что сейчас происходит? Технологии обновляются у всех на гла-

зах. Я уже два года не пользуюсь печатной машинкой, все печатаю на компьютере! А ты знаешь, что грампластинки совсем перестали производиться, что теперь только компакт-диски?! Темпы прогресса впервые оказались соизмеримы с продолжительностью человеческой жизни, то есть с тем, что можно назвать микроисторией. Но именно поэтому нельзя ожидать, что прежние темпы ускорения сохранятся. Нельзя же всерьез думать, что новейшие изобретения начнут сыпаться на нас с интервалом в наносекунды. Ты не думаешь, что при смене масштабов должны меняться также и закономерности?

– Как в физике...

– Но это не знаменует конца, это знаменует начало чего-то нового и небывалого. Как человека доисторического сменил исторический, так его самого уже очень скоро сменил постисторический человек...

Я было начал рассказывать Андрею о том, что евреи представляют ситуацию близким образом, что, согласно Гемаре, история будет продолжаться только шесть тысяч лет, до 2240 года, а потом наступит загадочный Восьмой день, но в этот момент раздался звонок в дверь.

Андрей бросил папку на стол, но она соскользнула, и все листы разлетелись по полу.

– Это мои друзья, – пояснил Андрей, перешагивая через свое исследование, – Вместе в институте учились. Он – православный, в семинарию собирается поступать, а она – сам сейчас увидишь...

Андрей открыл дверь. Вошли двое: он – крупный, длинноволосый, широко улыбающийся парень; и она – существо неземное. Не знаю как еще сказать. Бывает женская красота, неземная природа которой столь бьет в глаза, что ее описывать – это то же самое, что описывать мистическое явление. Все заведомо не то. Что-то в ней было лебединое, какая-то грациозность, пластичность, и еще поражала в ней какая-то прозрачность лица, как будто бы оно сгустилось из воздуха. А может быть, это просто зовется женственностью, которая проступает во всем. Но и этого, видимо, мало. Надо, чтобы еще человек был, чтобы яркий человек в этой женственности проступал...

Увидев ее, я как-то сразу стал ждать, чтобы она что-то произнесла. Казалось, что все в ней должно быть неземным, казалось, что и ее суждения будут так же поразительны, как ее внешность.

Андрей нас представил. Будущего семинариста звали Семен, его очаровательную спутницу Катей. Исчезающе хрупкая воздушная девушка и бросающий на нее робкие взоры крупный, прочно стоящий на ногах крепкий мужчина являли собой странное противоречие.

– А мы о вас слышаны, – прогудел Семен густым сочным басом, с силой пожимая мне руку – вы семинарист, не так ли? Мы с вами коллеги в каком-то смысле.

– Так вы учитесь в семинарии?

– Еще нет, но я много готовился и в ближайшее время намерен экзаменоваться.

Мы зашли в комнату, и Семен своим громовым голосом и удивительной подвижностью заполнил все пространство, отчего комната вдруг показалась маленькой и тесной.

– Чем это вы тут занимались? – поинтересовался Семен, глядя, как Андрей собирает с пола разбросанные листы с таблицами.

– Да я тебе уже это показывал, – отмахнулся Андрей. – Темпы ускорения прогресса.

– Помню, помню, – весело отозвался Семен. – Точка «омега» у тебя там слишком гуляет... Титрование – это вообще искусство.

И он громко засмеялся, похлопав Андрея по плечу.

– Ой, ландыши! – произнесла свои первые слова Катя. Голос у нее был тихий и слегка хрипловатый. Она подошла к столу и наклонилась над букетом.

– Где ты их взял? Сам, небось, в парке нарвал, браконьер.

– Я не выдаю свои источники... – счастливо улыбаясь, ответил Андрей. – Вы знаете, что Ури мне сейчас рассказал? Будто бы теорему Ферма кто-то доказал...

– Не слышал про такую. И что это за теорема? – поинтересовался Семен.

– Ферма, математик живший в 17 веке, оставил после себя пометку на полях книги, где утверждал, что доказал некую теорему, – сообщил я и уже было хотел припомнить все, что по этому поводу знал, как Андрей меня опередил:

– Это очень интересная теорема. Можно сказать, что это теорема Пифагора в общем виде, то есть не для квадратов, а для всех степеней. Мне даже кажется, что Ферма ее в геометрическом виде решил, я во всяком случае продвигаюсь этим путем. Сам Ферма сформулировал свою теорему так: $X^n + Y^n = Z^n$ – не имеет целых положительных решений, если n больше двух.

– Ну что ж, – сказал Сема, извлекая из портфеля бутылку водки, – за это, дорогие мои, не грех выпить. Шутка ли, теорема Ферма доказана!

– Просто не верится! Ты как будто знал! – усмехнулась Катя. – Эти бутылки твои открываются, как чеховские ружья стреляют. Всегда с глубоким смыслом. Никогда они в твоём портфеле не оказываются случайно!

Появившиеся на столе три рюмки были немедленно наполнены и опорожнены. Кате никто выпить не предложил. Видимо, ее отношение к алкоголю было хорошо известно.

В Израиле я не пил, тем более водку. Не люблю, когда наваливается что-то внешнее, одуряющее, с чем потом долго не знаешь что делать. Родители мои и их приятели, которые иногда выпивали, казались мне в этом состоянии полными идиотами.

Но тут, в России, в этой теплой компании и под гипнотическим взглядом большого и внушительного человека Семена я невольно выпил, и ничто во мне этому не воспротивилось. Напротив, меня охватила удивительная радость, и когда мы встретились с Семеном взглядом, я испытал к нему сильнейшее расположение.

– Ой, что же это я? Это же должен был быть второй тост! – воскликнул поймавший мой взгляд Семен. – Первый тост должен был быть за наше знакомство, для закрепления взаимной приязни.

Катя недовольно посмотрела на наполняющиеся снова рюмки. Я с любопытством ожидал, что она еще скажет. Но Катя на этот раз промолчала.

– Это явное превышение скорости, – заявил Андрей, видимо заметивший Катину недовольство. – Я протестую...

– Твой протестантизм меня уже свел с ума, – сообщил Семен, опорожнив вторую рюмку. – Сколько можно в самом деле? Ведь ты умный человек, Андрей. Эта баптистская узость тебе не к лицу. Поверь мне, когда-нибудь ты обязательно вернешься в святоотеческую традицию. Баптизм ниже твоего уровня.

Андрея это замечание, похоже, задело.

– А что это у вас, у православных, за уровень за такой? Православие достигло наконец уровня фобий перед чертями и евреями, куда уж дальше. Вы с Катей чуть ли не единственные православные, с которыми я способен общаться...

– Только не списывай эти фобии на само православие, – внушительно произнес Семен. – Все выродилось в советские времена.

– В советские времена? – усмехнулся Андрей. – Еще до революции Аксаков называл русскую православную церковь «большим неверным стадом, добрым пастырем которого является полиция». Он обвинял православный клир приблизительно в том же самом, в чем отец Глеб Якунин обвиняет его в наше время. Слишком многим душно под вашими маковками. Да и церковная служба привлекает паству в основном «национальным колоритом»...

– Мне кажется, русский «национальный колорит» не столько в маковках состоит, сколько в сознании своего вселенского предназначения. Русский человек свою национальную задачу

всегда воспринимал как задачу общечеловеческую. О том, что у России имеется своя идея – ни ее враги, ни ее друзья спорить не станут.

– Может быть. Но вот только, по-моему, вся эта русская идея – один сплошной комплекс провинциала. Единственное, что за нею стоит, так это желание держать под контролем шестую часть суши...

– А я так тут другой комплекс вижу – западный, – веско отрезал Семен. – Запад желает лишь одного, чтобы российское государство исчезло с лица земли.

Он вскочил, обошел вокруг стола и встал за моим стулом.

– Россия, кстати, очень похожа на Израиль, – продолжил Семен, наклонившись ко мне. – Ну, в том смысле, что всякие нынешние западные вольнодумцы, все эти Бжежинские, и правые, и левые, считают наши государства исторической ошибкой, которую можно и даже нужно исправить.

Андрей поймал Семена за рукав и усадил на стул.

– Сема, успокойся, не такой уж я страшный, как эти твои страшные западные вольнодумцы... Во всяком случае я, в отличие от них, не считаю, что это можно исправить...

– Ну как ты, в самом деле, не понимаешь, – взорвался Семен, – что Россия не могла бы влиться в западную цивилизацию, даже если бы захотела! Что с этим поделать? Ты можешь смеяться, но мы действительно другие, у нас действительно свой путь...

Андрей и впрямь посмеивался, да и Катя легкомысленно улыбалась.

– Мне кажется, вы никогда не договоритесь, – заключила она. – Пока Россия будет решать проблемы человечества, человечество будет решать проблему России.

Но Семен как будто не замечал легкомыслия своих собеседников и гнул свое.

– Ну как у тебя, в самом деле, душа за Россию не болит! Ведь была великая страна, с огромным потенциалом, со своей идеей, с сознанием своего избранничества, наконец. Россия, как наследница Византии, веками претендовала на то, чтобы являться альтернативным Римом, альтернативной европейской цивилизацией.

– Вот только нужна ли такая?

– Ты хочешь спросить, исторически случаен или необходим такой путь развития? Я уверен, что не случаен. То есть не случайно Римская империя раскололась на Западную и Восточную и не случайно эти половины развивались под эгидой двух братьев – апостола Петра и апостола Андрея. Богу зачем-то понадобились именно две Европы – Западная и Восточная, по-разному решающие свою христианскую задачу. Бог зачем-то решил продублировать европейскую цивилизацию. Во всем этом очень важно разобраться... И мне обидно, Андрей, что ты, такой тонкий и глубокий человек, вместо того чтобы взяться за эту проблему, так все уплощаешь и осмеиваешь.

– Может, когда-то какая-то задача у России и была, – пожал плечами Андрей. – Но уже давно Россия ничего другого не желает, кроме того, чтобы ею все подавили... Но ладно, будет уже спорить, давай лучше за Россию выпьем. Ничего лучшего мы для нее все равно сейчас сделать не сможем.

– Это хорошая идея, – вдохновился Семен, разом повеселев. Он поднял рюмку и победно провозгласил: «За Родину!»

Когда гости вышли, Андрей плюхнулся в кресло и вытянул ноги.

– Ну, как тебе Катя показалась?

– Очень интересная девушка, по-моему.

– Она, собственно говоря, и есть та особа, о которой я тебе рассказывал. Ну та, которую я когда-то пытался забыть...

– Ах, вот как? А я было так и подумал, но отбросил эту мысль, мне показалось, что ты к ней равнодушен. Так это от любви к ней ты излечился?

– Вообще-то я не говорил тебе, что от любви к ней излечился. Подобное лечится подобным, а подобную ей я не встречал. Ведь ты же ее видел.

– Подожди... Это она как раз с Семеном встречалась, когда вы в институте учились?

– Нет. Я учился на втором курсе, когда она на первый поступила. Я тут же в нее влюбился, но у меня сразу и конкуренты появились. Один из них был действительно Семен – мы с ним вместе учились, но в ту пору он сам был еще воздыхателем на куриных правах. Тогда главным соперником моим был один человек на шесть лет меня старше... Аспирантуру кончал. Пижон, но пыль в глаза умел пустить. Я же по молодости порол горячку и, как сейчас ясно вижу, шансов особых не имел. У нас с Катей было объяснение... после которого я тогда в Израиль как раз и отправился. Аспирант за ней еще года два увивался, пока она ему, наконец, решительно не отказала. Но я этого, к сожалению, не знал, думал у них все к свадьбе идет... И вот в прошлом году возвращаюсь я из одной археологической экспедиции, в которой все лето провел, и вдруг узнаю, что с аспирантом у нее все кончено, но зато теперь она встречается с Семеном. Я очень Сему на самом деле люблю и уважаю, у него есть редкая в наше время, прямо-таки какая-то собачья жажда служения... Мы большие друзья. Были и остаемся.

Андрей замолчал и как-то осунулся.

– Но у них разве все окончательно решено? Ты что, совсем от Кати отказался? Ты с ней объяснился вообще как-то?

– И не отказывался, и не объяснялся, – сумрачно ответил Андрей. – Я с ними часто встречаюсь, но в аудиенции Катерина мне отказывает... Только при свидетелях готова встречаться. У нее с Семой, видать, все серьезно, и она не хочет ничего осложнять.

– Ну а если не Сема, а какое-то другое третье лицо будет присутствовать, она согласится?

– Ты просто читаешь мои мысли, – усмехнулся Андрей. – Я как раз думаю ее еще раз пригласить, как бы на тебя отдельно... Ты ведь у меня живешь, и мы, стало быть, с ней наедине не останемся. Позвоню ей завтра же утром.

На этот раз Катя действительно согласилась. Через два дня мы встретили ее при выходе из метро и первым делом пошли прогуляться по парку.

– Идите-ка сюда, я вам сейчас фокус покажу, – объявил Андрей.

Мы подошли к какому-то киоску, Андрей извлек из кармана ассигнацию, взмахнул ей и воскликнул:

– А вот волшебная бумажка! Сейчас произойдет то, что я скажу... Пусть у меня в руках окажутся три порции мороженого!

Пожилая продавщица, выпучив глаза, неподвижно смотрела на Андрея.

– Крибле, крабле, бумс! – медленно произнес Андрей и протянул продавщице деньги.

– Ну ты и фокусник, Андрей, – рассмеялась Катя. – Ты должен написать Давиду Копперфилду, чтобы он включил этот удивительный номер в свои выступления.

– Я не знаю, что писать. Я и сам не понимаю, как этот фокус у меня получается.

Андрей продолжал дурить в том же духе: шутил, передразнивал каких-то русских политиков, изображая, как бы они ухаживали за Катей. Пока мы шли по аллеям, то так смеялись, что на нас оглядывались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.